

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Мери Мейпе Додж
**СЕРЕБРЯНЫЕ
КОНЬКИ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Мери Элизабет Додж
Серебряные коньки

Издательство «Детская литература»

1865

Додж М. М.

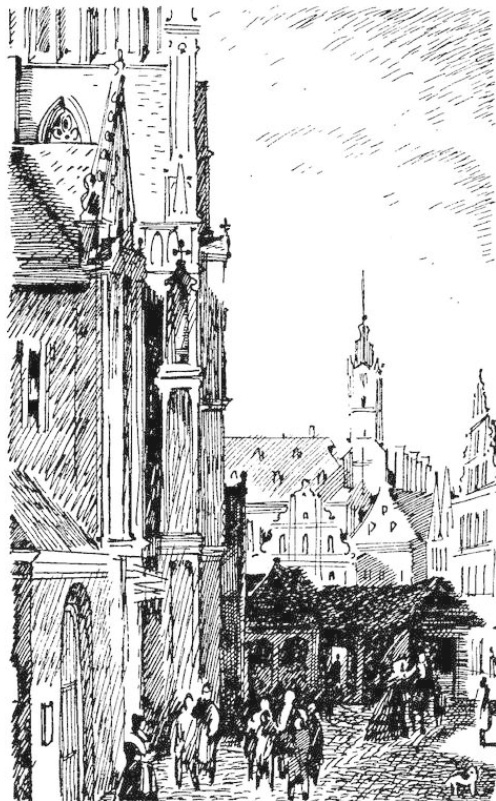
Серебряные коньки / М. М. Додж — Издательство «Детская литература», 1865 — (Школьная библиотека (Детская литература))

Широко известная повесть, которую читали дети нескольких поколений. В ней увлекательно рассказывается не только о жизни голландских школьников в середине XIX века, но и о Голландии (Королевстве Нидерландов) – истории, географии, жизни и обычаях этой маленькой европейской страны. Для среднего школьного возраста.

© Додж М. М., 1865
© Издательство «Детская литература», 1865

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	31
Глава IX	34
Глава X	38
Глава XI	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мери Мейпс Додж Серебряные коньки

© Клягина-Кондратьева М. И., перевод, 1941

© Иткин А. З., иллюстрации, 1959

© Послесловие. Издательство «Детская литература», 1997

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Ханс и Гретель

Много лет назад в одно ясное декабрьское утро двое бедно одетых ребят стояли, пригнувшись к земле, на берегу одного замерзшего канала в Голландии.

Солнце еще не взошло, но серая пелена на горизонте уже разорвалась, и ее края зарумянились, озаренные малиновым светом наступающего дня. Почти все добрые голландцы покоились в мирном утреннем сне; даже мейнхеер¹ ван Стоппельнозе, этот достойный старый голландец, все еще дремал в сладостном забытии.

По каналу, покрытому гладким, как стекло, льдом, время от времени пробегали на коньках люди: то крестьянка с туго набитой корзиной на голове, то бойкий юноша, который спешил в город на работу и, проносясь мимо дрожавших от холода ребят, строил им добродушную гримасу.

Между тем брат и сестра – они были братом и сестрой, – пыхтя и напрягаясь, привязывали себе что-то к ногам – не коньки, конечно нет, а просто деревянные полозья, грубо обточенные и стесанные книзу, с дырками, через которые были продернуты ремешки из сыромятной кожи.

Диковинные «коньки» сделал себе и сестре Ханс – так звали мальчика. Его мать была бедная крестьянка, такая бедная, что она и подумать не могла о покупке настоящих коньков для своих детей. Но, как ни грубы были эти полозья, они дали возможность детям провести много веселых часов на льду; а сейчас, когда, стараясь надеть их, наши юные голландцы изо всех сил дергали за ремешки застывшими красными пальцами и так согнулись, что чуть не касались коленей сосредоточенными лицами, никакие несбыточные мечты о стальных лезвиях не омрачали их радости.

Но вот мальчик выпрямился и, широко раскинув руки, легко заскользил по льду, пересекая канал.

– За мной, Гретель! – небрежно бросил он девочке.

– Слушай, Ханс! – жалобно крикнула ему сестра. – С этой ногой опять неладно! В прошлый базарный день ремешки натерли мне ногу, а сейчас больно, когда стягиваешь ее в том же месте.

– Так подвяжи их повыше, – ответил Ханс, не глядя на сестру и выписывая на льду великолепную восьмерку.

---

¹ Мейнхеер – господин (гол.).

– А как? Ремешок-то короткий!

Ханс был голландцем, поэтому он только добродушно свистнул (мальчик-англичанин сказал бы, что девчонки вечно надоедают) и вернулся к сестре.

– И зачем ты надела эти башмаки, глупенькая? У тебя есть кожаные, почти не ношенные. Твои деревянные и то лучше этих.

– Что ты, Ханс! Или ты забыл? Ведь отец бросил в огонь мои хорошие башмаки, прямо в горящий торф. Не успела я оглянуться, как они уже совсем скорежились. В этих я еще могу кататься на коньках, а в деревянных нет. Ну, подвязывай, только осторожней...

Ханс вынул из кармана ремешок; что-то напевая, он стал на колени рядом с Гретель и принялся подвязывать ее конек, затягивая ремень со всей силой своих крепких молодых рук.

– Ой-ой! – крикнула девочка: ей было очень больно.

Ханс нетерпеливо дернул за ремешок и развязал его. Он швырнул бы его на землю – по примеру многих старших братьев, – если бы не заметил слезинку, катившуюся по щеке сестры.

– Я все налажу... не бойся, – сказал он с внезапно вспыхнувшей нежностью. – Только нам мешкать нельзя, ведь нас мама ждет.

Он огляделся, словно ища чего-то: сначала взглянул на землю, потом на голые ветви ивы у себя над головой и, наконец, на небо, теперь ярко расцвеченное голубыми, малиновыми и золотистыми полосами.

Нигде не было того, что он искал. Но вдруг мальчика осенило, и глаза его загорелись. Он сорвал с себя шапку и, выдрав рваную подкладку, прикрепил ее к носку изношенного башмака Гретель так, чтобы получилось что-то вроде мягкой подушечки.

– Ну! – торжествующе воскликнул он, завязывая ремешки со всей быстротой, на какую были способны его окоченевшие пальцы. – Вытерпишь, если я еще немножко затяну?

Гретель надула губки, словно желая сказать: «Ладно уж, можешь делать мне больно», – но ничего не ответила.

Спустя секунду они, смеясь, летели по каналу, взявшись за руки и не думая о том, провалится под ними лед или нет, ведь в Голландии лед держится всю зиму. Он с решительным видом располагается на канале и, вместо того чтобы таять и худеть всякий раз, как солнце греет его довольно жестоко, день за днем набирается сил и вызываясь сверкает навстречу каждому лучу.

Но вот под ногами у Ханса что-то затрещало. Он укорачивал шаг, спотыкался и наконец растянулся на льду, дрыгая ногами.

– Ха-ха-ха! – расхохоталась Гретель. – Вот так шлепнулся!

Но под ее грубой синей кофтой билось нежное сердце, и, все еще смеясь, она легко подлетела к лежащему навзничь брату.

– Ты ушибся, Ханс?... Э, да ты смеешься! Ну-ка, поймай меня! – И она умчалась.

Она больше не дрожала от холода, щеки ее горели, глаза искрились весельем.

Ханс вскочил на ноги и пустился вдогонку, хотя поймать Гретель было не так-то легко. Однако не успела она далеко откатиться, как ее коньки тоже затрещали.

Вспомнив, что порой уступка – залог победы, девочка внезапно повернулась и покатила прямо в объятия своего преследователя.

– Ха-ха-ха! Поймал! – крикнул Ханс.

– Ха-ха-ха! Это я поймала тебя! – возразила Гретель, стараясь вырваться из его рук.

В эту минуту послышался ясный, звонкий голос:

– Ханс! Гретель!

– Мама зовет, – сказал Ханс, и лицо его сделалось серьезным.

Канал весь золотился в солнечном свете. Хорошо было дышать чистым утренним воздухом, и конькобежцы всё прибывали.

Гретель и Хансу не хотелось уходить с канала, но они были хорошими детьми: им и в голову не пришло податься искушению и задержаться еще немного. Они стащили с себя деревянные коньки, не развязав и половины узлов на ремешках.

Домой они шли не спеша. Ханс, широкоплечий, с копной белокурых волос, был на голову выше своей голубоглазой сестренки, ведь ему исполнилось пятнадцать лет, а Гретель – только двенадцать. Он был сильный, крепкий мальчик, с ясными глазами, а на лбу его, казалось, было написано: «Внутри все хорошо», подобно тому как над входом в каждый маленький голландский зомерхейс² обычно написано какое-нибудь изречение. Гретель была гибка и быстра; в ее глазах плясали искорки, а если кто-нибудь смотрел на нее, румянец на ее щеках то бледнел, то густел. Так, когда дует ветер, клумба розовых и белых цветов кажется то ярко-, то бледно-алой.

Едва отойдя от канала, дети увидели небольшой домик – свой родной дом. Их мать, высокая, в кофте, юбке и плотно прилегающем чепчике, стояла на пороге, напоминая портрет в покосившейся дверной раме. До их домика было недалеко, но, будь он даже на расстоянии мили³, он все равно казался бы близким. В этой плоской стране все предметы ясно видны издаля. Цыпленка можно разглядеть так же хорошо, как ветряную мельницу. Если бы не плотины и высокие берега каналов, можно было бы стать где угодно в самой середине Голландии и нигде до самого горизонта не увидеть ни холма, ни пригорка.

Никто не знал этих плотин лучше тетушки Бринкер и запыхавшихся ребят, бежавших на ее зов. Но прежде чем рассказать, почему это так, позвольте мне прокатиться с вами в кресле-качалке в эту далекую страну, где вы, быть может, впервые увидите кое-какие любопытные вещи, на которые Ханс и Гретель смотрели каждый день.

---

² З о м е р х е й с – летний домик; павильон, в котором летом отдыхают, но не живут.

³ В этой книге все расстояния даны в английских милях (1,6 км). Голландская миля в четыре раза с лишком длиннее. (Примеч. авт.)

Глава II

Голландия

Голландия – одна из самых удивительных стран на свете. Ее следовало бы назвать «Землей странностей» или «Страной противоречий», так как она почти во всех отношениях отличается от других стран. Большая часть Голландии лежит ниже уровня моря. Здесь с большими затратами денег и труда построены огромные плотины и молы, чтобы удерживать океан там, где ему надлежит быть. В некоторых местах побережья океан напирает всей своей тяжестью на сушу, и бедная земля еле-еле выдерживает его напор. Временами плотины прорывает или они дают течь, и это влечет за собой гибельные последствия.

Плотины высоки и широки: кое-где на них стоят здания и растут деревья. Больше того – на плотинах проложены отличные дороги, с которых лошади могут смотреть вниз, на придорожные домики. За плотинами по воде плывут корабли, и так как уровень ее зачастую выше уровня земли, то их кили движутся на такой высоте, какой не достигают кровли жилищ, стоящих в низинах. Аист, болтающий со своими птенцами на шпиле дома, быть может, считает, что, раз гнездо его свито так высоко, значит, ему не грозит никакая опасность; но лягушка, квакающая в соседних камышах, ближе к звездам, чем этот аист. Водяные насекомые снуют взад и вперед выше ласточек, гнездящихся в дымовых трубах, а плакучие ивы никнут, словно стыдятся, что не могут дорасти до ближних тростников.

Повсюду здесь встречаются рвы, заполненные водой, каналы, пруды, реки и озера... Выплеснутые морем на сушу да так и не высохшие, они служат средоточием всей людской деятельности и сверкают под солнцем, презирая тихие сырые поля, расстилающиеся рядом с ними. Хочется спросить себя: «Что же такое Голландия – берега или воды?» Ведь даже зелень, которой, казалось бы, предназначено расти на суше, тут как будто ошиблась и расположилась на рыбных прудах. В сущности, вся страна – нечто вроде насыщенной водой губки или, как сказал о ней английский поэт Батлер:

Страна на якоре, вокруг нее вода;
В ней не живут – плывут, как на судах.

Люди рождаются, живут, умирают и даже разводят сады на кораблях, плывущих по каналам.

Крыши на фермах напоминают громадные обвисшие шляпы, надвинутые домам на глаза, а дома стоят на деревянных ногах, как бы подоткнув юбки и говоря: «Постараемся остаться сухими». Даже лошади носят на каждом копыте по широкой скамеечке, чтобы легче было вытаскивать ноги из трясины.

Короче говоря, Голландия – сплошной утиный рай. Летом это чудесная страна для босоногих мальчишек и девчонок. Как хорошо тут шлепать по воде и пускать игрушечные кораблики! Как хорошо грести, ловить рыбу, плавать! Только представьте себе целую цепь луж, по которым можно весь день напролет пускать щепки-суденышки, ни разу не поворачивая назад!

Но довольно! Расскажи я обо всем подробно, мои читатели толпой помчатся на Зейдер-Зее.

Голландские города на первый взгляд кажутся какой-то диковинной чащей, в которой растут дома, мосты, церкви и корабли, пуская побеги в виде мачт, колоколен и деревьев. В некоторых городах лодки подводят к дому их хозяина и, как лошадей, привязывают к дверному косяку; груз на них спускают из окон верхнего этажа. Матери кричат Лодвейку и Касси: «Не раскачивайтесь на садовой калитке! Чего доброго, утонете!»

Водные дороги встречаются тут чаще, чем грунтовые и железные; водные ограды в виде канав со стоячей зеленой водой окружают площадки для игр, низменные поля и сады.

Кое-где зеленеют красивые живые изгороди; но деревянные заборы, которых так много у нас в Америке, редко встречаются в Нидерландах. О каменных оградах и говорить нечего: голландец в изумлении воздел бы руки к небу, предложи ему кто-нибудь построить такую ограду. Здесь нет камня, если не считать огромных глыб, привезенных из других стран для укрепления и защиты побережья. Все маленькие камни и голыши – если только они здесь когда-нибудь были – заключены в тюрьму мостовой или рассыпались в прах. Мальчишки с ловкими, сильными руками за всю свою жизнь не находят ни одного камня, чтобы пустить его по воде или испугнуть им кролика.

Водные пути – иначе говоря, каналы – пересекают страну во всех направлениях. Каких-каких только каналов здесь нет, начиная от огромного Северо-Голландского судоходного канала (а он одно из чудес света) и кончая такими узкими канальчиками, что и мальчик может их перепрыгнуть. Водные омнибусы, так называемые трексхейты⁴, постоянно ходят пассажирами вверх и вниз по этим дорогам, а водные повозки, паксхейты, перевозят топливо и товар. Вместо заросших травой зеленых тропинок от поля к амбару и от амбара к саду тянутся каналы с зеленой водой, а поля, или пол деры, как их здесь называют, – это просто большие озера, из которых вся вода выкачана досуха. В городах иные самые оживленные улицы представляют собой каналы, заполненные водой, тогда как многие деревенские дороги вымощены кирпичом.

Городские лодки с округлой кормой, позолоченным носом и ярко раскрашенным корпусом не похожи ни на одно судно в мире, а голландская повозка с ее причудливо изогнутым маленьким дышлом – настоящее чудо из чудес.

«Одно ясно, – воскликнет наивный оптимист, – тамошние жители никогда не испытывают жажды!» Но нет. «Страна противоречий» все-таки верна себе. Несмотря на море, что вечно пытается в нее хлынуть, и на озёра, что вечно пытаются с нее схлынуть, несмотря на переливающиеся через край каналы, реки и канавы, во многих округах нет воды, годной для питья. Бедным голландцам приходится или чахнуть от жажды, или пить вино и пиво, или же посылать далеко в глубь страны, в Утрехт и другие счастливые местности, за этой драгоценной влагой, более древней, чем Адам, и все же юной, как утренняя роса. Время от времени жителям, конечно, случается глотнуть дождевой воды, если только удастся собрать ее, но обычно они, как преследуемые альбатросом моряки в знаменитой поэме Колриджа «Старый моряк», видят только, что:

Вода, вода со всех сторон —
Ни капли для питья!

Огромные, хлопающие крыльями ветряные мельницы разбросаны по всей стране; кажется, будто на нее только что опустились несметные стаи морских птиц. Повсюду видишь дикий лес, причудливо подстриженные, со стволами, выкрашенными в ослепительно белую, желтую или красную краску. Лошадей нередко запрягают по три в ряд. Мужчины, женщины и дети ходят, постукивая деревянными башмаками с отстающим каблуком. Если у деревенской девушки нет кавалера, желающего сопровождать ее на кермис (ярмарку),

---

⁴ Т р е к с х е й т ы – суда, плавающие по каналам. Некоторые трексхейты имеют более 30 футов длины (т. е. более 9 м; фут – английская мера длины, равная 30,48 см). Они похожи на теплицы, поставленные на баржи, и их тянут лошади, идущие по берегу канала. Трексхейты имеют два отделения: первый и второй классы, – и, когда они не слишком перегружены, пассажиры чувствуют себя здесь как дома: мужчины курят, женщины вяжут или шьют, а дети играют на маленькой верхней палубе. Многие суда, плавающие по каналам, ходят под парусами – белыми, желтыми или шоколадного цвета. Шоколадный цвет они приобретают, если их для большей прочности пропитывают настоем из дубовой коры. (Примеч. авт.)

она нанимает себе спутника за деньги, а супруги любовно впрягаются рядышком в свои паксхейты и сами тянут их на рынок по берегу канала.

Другая отличительная особенность Нидерландов – дюны, иначе говоря – песчаные гряды. Кое-где на побережье их очень много. В старину, до того как дюны засеяли жесткой осокой и другими растениями, чтобы помешать им осыпаться, они насылали грозные песчаные бури на внутреннюю часть страны. Таким образом, вдобавок к прочим странностям можно отметить, что фермерам иногда приходится снимать верхний слой земли, чтобы докопаться до плодородной почвы, а в ветреные дни сухие песчаные ливни нередко сыплются на поля, которые остаются сырыми даже после целой недели солнечной погоды.

С другой стороны, многие странности Голландии служат доказательством бережливости и упорного трудолюбия ее народа. Во всем мире нет более богатого, тщательно возделанного сада, чем эта сырая, изобилующая влагой маленькая страна, и нет более храброго, более героического народа, чем ее спокойное, с виду пассивное население. Лишь немногие страны соперничают с Голландией в области важных открытий и изобретений; ни одна не превзошла ее в области торговли, мореходства, образования и науки, не сделала столько благородных усилий для развития просвещения и общественной благотворительности; ни одна, сравнительно с размерами своей площади, не потратила столько денег и труда на общественные работы.

Голландия может гордиться своими благородными и славными сынами и дочерьми; она может гордиться своими великими историческими подвигами терпения и сопротивления, своими победами, веротерпимостью, просвещенной предприимчивостью, своим искусством, музыкой и литературой. Правильно ее называют «европейским полем битвы», и столь же правильно ее можно назвать «всемирным убежищем», ибо те, кого угнетают на родине, находят здесь приют и помощь.

Если мы, американцы, посмеиваемся над голландцами – хотя многие из нас являются их потомками – и называем их «людьми-бобрами», уверяя, что их страна в один прекрасный день уплывет в море во время отлива, мы вместе с тем гордимся ими, зная, что они показали себя героями и что их страна, конечно, ни в коем случае не уплывет, пока останется хоть один голландец, чтобы удержать ее своими руками.

Говорят, что в Голландии около десяти тысяч больших ветряных мельниц с крыльями от восьмидесяти до ста двадцати футов длиной. Они пилят лес, молотят коноплю, мелют зерно и выполняют множество других работ; но главная их задача – откачивать воду из низменностей в каналы и предотвращать наводнения, вызванные разливом рек во внутренней части страны. Большие мельницы очень мощны. На огромной круглой башне такой мельницы, порой возвышающейся над фабричными строениями, стоит другая, меньшая по размерам; она суживается кверху, и крыша ее похожа на колпак. Верхняя башня у основания окружена балконом, а над ним выступает ось, которую вращают четыре огромных крыла с лестницами, прикрепленными к тыльной стороне.

Многие ветряные мельницы построены очень примитивно, так что не худо бы их усовершенствовать, но среди новых есть замечательные. Они снабжены одним остроумным приспособлением и сами подставляют ветру свои веера, иначе говоря – крылья, под таким уклоном, который дает им возможность работать с требуемой мощностью. Иными словами, мельник может спокойно вздремнуть, уверенный, что его мельница, сама принаровившись к ветру, использует его целиком, пока ее хозяин спит. При малейшем токе воздуха каждое крыло распластается, чтобы поймать легчайшее дуновение; но если налетит сильный вихрь, крылья сожмутся от его прикосновения, как сжимаются листья мимозы, и помешают ему вертеть их с полной силой.

В одной из старинных амстердамских тюрем, прозванной «Скоблильня», потому что заключенных в ней воров и бродяг заставляли скоблить бревна, был карцер, в который сажали ленивых арестантов. В одном углу этого карцера стоял насос, а в другом было отверстие, через

которое в помещение непрерывно лилась вода. Заключенному оставалось только или стоять, ничего не делая, и утонуть, или работать изо всех сил, выкачивая воду насосом, пока тюремщик не смилостивится и не сменит его. Можно, однако, сказать, что природа предоставила это развлечение всей Голландии, но в большем масштабе. Голландцы всегда были вынуждены выкачивать воду, чтобы сохранить самое свое существование, и, вероятно, им придется заниматься этим до скончания веков.

Громадные суммы денег тратятся тут ежегодно на исправление плотин и регулирование уровня воды; а если бы этими важными делами перестали заниматься, Голландия превратилась бы в необитаемую страну. Как уже было сказано, прорывы плотин приводили к страшным последствиям. Не раз сотни деревень и городов во время этих наводнений заливало стремительными потоками воды, и погибло около миллиона человек.

Одно из самых катастрофических наводнений произошло осенью 1570 года. До него было двадцать восемь страшных паводков, частично затоплявших Нидерланды, но этот был самым страшным из всех.

Перед тем несчастная страна долго страдала под игом испанской тирании; теперь ее муки, казалось, достигли предела. Читая «Историю возвышения Голландской республики», написанную Мотли, мы учимся уважать храбрый голландский народ, который так много терпел, страдал и дерзал.

В своем потрясающем описании этого потопа Мотли рассказывает нам о том, как длительный и яростный шторм погнал воды Атлантического океана в Северное море и бросил их на побережье голландских провинций; как повсюду размыло плотины, не выдержавшие непосильной нагрузки; как даже «Ханд-бос», мол, построенный из дубовых свай, окованный железом, укрепленный тяжелыми якорями и защищенный гравием и гранитом, прорвало в мгновение ока; как рыбацьи лодки и большие суда понесло с моря на залитую водой землю, где они застревали в рощах или бились о стены и крыши домов; и как, наконец, вся Фрисландия превратилась в свирепствующее море. «Толпы мужчин, женщин и детей, множество лошадей, быков, овец и других домашних животных повсюду боролись с волнами. Люди жадно хватались за каждую лодку, за каждый предмет, способный заменить лодку. Все дома были затоплены, и даже мертвецы на кладбище выброшены из могил. Живое дитя в колыбели и давно погребенный труп в гробу плыли рядом. Казалось, снова начался древний потоп. Повсюду на верхушках деревьев, на церковных колокольнях кучками теснились люди, моля Бога о милосердии, а своих близких – о помощи. Как только шторм начал ослабевать, по всем направлениям засновали люди в лодках, спасая тех, кто в воде боролся за свою жизнь, снимая утопающих с крыш и деревьев и подбирая трупы уже утонувших». За несколько часов погибло не менее ста тысяч человек. Тысячи и тысячи бессловесных мертвых животных плыли по воде, а ущерб, нанесенный всякого рода имуществу, не поддавался учету.

Испанский губернатор Роблес оказался в первом ряду тех, кто самоотверженно старался спасти людям жизнь и умалить ужасы катастрофы. Раньше голландцы ненавидели его, так как он был испанцем или португальцем, а значит, представителем чужеземных захватчиков, но, когда пришла беда, он своей добротой и деятельностью заслужил всеобщую благодарность. Вскоре он ввел усовершенствованный метод постройки плотин и издал закон, обязывающий землевладельцев поддерживать заградительные сооружения. С тех пор большие паводки случались реже; однако за триста лет без малого все-таки было шесть разрушительных наводнений.

Весной, особенно во время таяния снега, большую опасность представляют озера и реки. Загроможденные глыбами льда, они выходят из берегов, не успев перелить в океан свои быстро поднимающиеся воды. Если вдобавок к этому вспомнить, как бушует море, напирая на плотины, нечего удивляться, что Голландию зачастую охватывает тревога. Тогда делают все, что возможно, для предотвращения катастрофы. Инженеры и рабочие стоят на всех угрожаемых

участках, и бдительное дежурство не прекращается круглые сутки. Услышав сигнал об опасности, все жители бросаются на помощь, сплотившись для борьбы против общего врага. Во всем мире считают, что «соломой разлив не запрудишь», а в Голландии она-то как раз и служит главной опорой в борьбе со стремительными потоками. Дамбы обкладывают огромными соломенными матами, скрепляя их глиной и тяжелыми камнями, и тогда океан тщетно бьется о них.

Рафф Бринкер, отец Гретель и Ханса, много лет работал на плотинах.

Однажды, когда угрожало наводнение и люди укрепляли ненадежную плотину близ Веермийского шлюза, при страшном шторме, во мраке, под дождем и снегом, Бринкер упал с подмостков и потерял сознание. Его принесли домой, и с тех пор он уже не работал; хоть он и остался жив, но потерял разум и память.

Гретель помнила его только таким, каким он был теперь, – странным безмолвным человеком, чей пустой взгляд следовал за нею, куда бы она ни повернулась. А Ханс – тот вспоминал, каким жизнерадостным человеком был когда-то его отец, каким веселым голосом он говорил, как, бывало, без усталости носил сынишку на плече. И когда мальчик ночью лежал без сна, ему чудилось, будто где-то близко звучит отцовская беззаботная песня.

Глава III

Серебряные коньки

Тетушка Бринкер зарабатывала на содержание семьи выращиванием овощей, прядением и вязанием и еле-еле сводила концы с концами. Было время, когда она работала на баржах, сновавших вверх и вниз по каналу, и порой вместе с другими женщинами впрягалась в лямку и тянула буксирный канат паксхейта, ходившего между Бруком и Амстердамом. Но когда Ханс вырос и окреп, он настоял на своем и взял на себя эту тяжелую работу. Кроме того, в последнее время муж тетушки Бринкер сделался таким беспомощным, что ей постоянно приходилось заботиться о нем. Хотя разума у него осталось меньше, чем у маленького ребенка, он по-прежнему был очень силен и крепок, и тетушке Бринкер нередко бывало трудно справляться с ним.

«Ах, детки, он был такой добрый и работающий! – говорила она иногда. – А умный-то какой! Не хуже адвоката. Сам бургомистр⁵ и тот иной раз останавливался, чтобы спросить его о чем-нибудь. А теперь – горе мне! – он не узнаёт своей жены и ребят. Ты помнишь отца, Ханс, когда он был самим собой, таким сильным и славным? Помнишь ведь?»

«Еще бы не помнить, мама! Он знал все и умел делать все на свете... А как он пел! Ты, бывало, смеялась и говорила, что от его песни даже ветряные мельницы и те запляшут».

«Верно, говорила. Что за память у этого мальчика!.. Гретель, дочка, отними у отца вязальную спицу, да поскорее – он, того и гляди, выколет себе глаз, – и надень на него башмак. Ноги у него, бедного, то и дело застывают – холодные как лед. Я, как ни стараюсь, никак не могу уследить, чтобы он всегда был обут».

И, не то причитая, не то напевая что-то про себя, тетушка Бринкер усаживалась, и в низеньких комнатках раздавалось жужжание ее прялки.

Почти всю работу на огороде и в доме выполняли Ханс и Гретель. Каждый год летом дети изо дня в день ходили копать торф и складывали его кирпичиками, запасая топливо. В другое время, если не было домашней работы, Ханс правил лошадьми, тянувшими буксир на канале (так он зарабатывал по несколько стейверов⁶ в день), а Гретель пасла гусей у соседних фермеров.

Ханс мастерски резал по дереву и, так же как Гретель, умел хорошо работать в саду и в огороде. Гретель пела, шила и бегала на высоких самодельных ходулях лучше любой девочки во всей округе. Она в пять минут могла выучить народную песню, отыскать любую травку или цветок, как только они появлялись, но книг она побаивалась, и частенько один вид черной доски в их старой школе вызывал у нее слезы. Ханс, напротив, был медлителен и упрям. Чем труднее было задание, полученное им в школе или дома, тем больше оно ему нравилось. Бывало, что мальчики смеялись после уроков над его заплатанной одеждой и не по росту короткими кожаными штанами, но им приходилось уступать ему почетное место чуть ли не в каждом классе. Вскоре он оказался единственным во всей школе учеником, который ни разу не стоял в «страшном углу» – там, где висел некий грозный хлыст, а над ним была начертана надпись: «Учись! Учись, лентяй, не то тебя проучит линёк⁷!»

Ханс и Гретель могли ходить в школу только зимой, так как все остальное время они работали; но в эту зиму они весь последний месяц пропускали занятия, потому что им приходилось помогать матери. Рафф Бринкер требовал постоянного ухода; надо было печь черный хлеб, содержать дом в чистоте, вязать чулки и другие изделия и продавать их на рынке...

---

⁵ Б у р г о м и с т р – глава городского управления.

⁶ С т е й в е р – мелкая медная монета.

⁷ Л и н ё к, линь – очень тонкий пеньковый трос для оснастки судов, такелажных и других работ.

Пока они в это холодное декабрьское утро усердно помогали матери, веселая толпа девочек и мальчиков, среди которых были отличные конькобежцы, скользила по каналу. Когда они, ярко и пестро одетые, летели мимо, казалось, будто лед внезапно растаял и клумбы разноцветных тюльпанов плывут по течению.

Тут каталась дочь богатого бургомистра Хильда ван Глек в дорогих мехах и широком бархатном пальто, а рядом с ней бежала хорошенькая крестьянская девочка Анни Боуман, в теплой ярко-красной кофте и голубой юбке, такой короткой, что серые чулки домашней вязки были видны во всей своей красе. Каталась тут и гордая Рихи Корбес, чей отец, мейнхеер ван Корбес, считался одним из виднейших граждан Амстердама. А вокруг нее теснились Карл Схуммель, Питер и Людвиг⁸ ван Хольп, Якоб Поот и один очень маленький мальчик с длиннейшим именем: Воостенвальберт Схиммельпеннинк. В толпе было еще десятка два других мальчиков и девочек, и все они резвились и веселились от всей души.

Они бежали с полмили вниз по каналу, потом катились обратно и неслись во всю мочь. Порой быстрейший из них разворачивался прямо под носом у какого-нибудь важного законодателя или доктора, не спеша скользившего в город, скрестив руки, а порой целая цепь девочек внезапно разрывалась при появлении толстого старого бургомистра, который, пытаясь, направлялся в Амстердам, держа наперевес свою палку с золотым набалдашником. Бургомистр катился на чудесных коньках с превосходными ремешками и сверкающими лезвиями, которые загибались над подъемом ноги, заканчиваясь позолоченными шариками; он только чуть-чуть приоткрывал свои заплывшие жиром глазки, и, если одна из девочек делала ему реверанс, он не решался ответить поклоном из боязни потерять равновесие.

Не одни лишь гуляющие да знатные господа были на канале. Тут встречались рабочие с усталыми глазами, спешащие в мастерские и на фабрики; базарные торговки с поклажей на голове; разносчики, согнувшиеся под своими тюками; лодочники с растрепанными волосами и обветренными лицами, пробирающиеся вперед, грубо толкаясь; священники с ласковыми глазами, быть может спешащие к ложу умирающих; а немного погодя появились дети с сумками за плечами, бегущие во всю прыть к стоящей поодаль школе. Все до единого были на коньках, кроме того закутанного фермера, чья затейливая повозка тряслась по берегу у самого канала.

Вскоре наши веселые мальчики и девочки почти затерялись в этой пестревшей яркими красками, непрестанно движущейся толпе конькобежцев, чьи коньки сверкали, отражая солнечный свет. Мы, пожалуй, и не узнали бы ничего больше об этих детях, если бы они вдруг не

⁸ Л ю д в и г, Г р е т е л ь и К а р л – немецкие имена; детей называли так в честь немцев – друзей их родителей. По-голландски эти имена звучат: Лодвейк, Гритье и Карел. (Примеч. авт.)

остановились как вкопанные и, сгрудившись в стороне, не заговорили все сразу с одной хорошенькой девочкой, которую вытащили из людского потока, стремящегося в город.

– Эй, Катринка! – закричали они в один голос. – Ты слышала? Будут состязания... Ты непременно должна участвовать!

– Какие состязания? – со смехом спросила Катринка. – Пожалуйста, не говорите все разом: ничего нельзя понять.

Ребята запнулись и устремили глаза на Рихи Корбес, которая обычно говорила от лица всех.

– Слушай, – сказала Рихи, – двадцатого, в день рождения мевроу⁹ ван Глек, состоятся большие конькобежные состязания. Все это затеяла Хильда. Лучшему конькобежцу дадут великолепный приз.

– Да, – подхватило несколько голосов, – пару чудесных серебряных коньков, прямо восхитительных! С такими замечательными ремешками! Да-да, и с серебряными колокольчиками и пряжками!

– Кто сказал, что с колокольчиками? – послышался слабый голосок мальчика с длинным именем.

– Я так говорю, господин Воост, – ответила Рихи.

– Так оно и есть...

– Нет, я наверное знаю, что без колокольчиков!

– Ну что ты глупости болтаешь!

– Да нет же, они со стрелами...

– А мейнхеер ван Корбес сказал моей маме, что с колокольчиками, – раздавалось со всех сторон из уст возбужденной детворы.

Тут мейнхеер Воостенвальберт Схиммельпеннинк сделал попытку окончательно разрешить все споры.

– Нет, никто из вас ничегошеньки не знает! Никаких колокольчиков на них не будет, они...

– О! О! – И хор противоположных мнений зазвучал снова.

– На коньках для девочек будут колокольчики, – спокойно вмешалась Хильда, – а для мальчиков предназначена другая пара, и на ней сбоку выгравированы стрелы.

– Вот видишь!.. А я говорил! – наперебой закричали чуть ли не все ребята.

---

⁹ Мевроу – госпожа.

Катринка смотрела на них, сбита с толку.

– Кто же будет состязаться? – спросила она.

– Все мы, – ответила Рихи. – То-то будет весело! И ты тоже, Катринка, обязательно! А сейчас пора в школу, поговорим обо всем этом на большой перемене. И ты, конечно, будешь участвовать вместе с нами?

Катринка не ответила, но, сделав грациозный пируэт и кокетливо бросив: «Слышите? Последний звонок. Догоняйте!» – со смехом понеслась к школе, стоявшей в полумиле на берегу канала.

Все беспорядочной толпой пустились за ней вдогонку. Но тщетно пытались они догнать ясноглазую хохочущую девочку. Она неслась вперед, то и дело оглядываясь, и глаза ее сияли торжеством, а распущенные волосы золотились на солнце.

Прелестная Катринка! Пышущая здоровьем и юностью, воплощенная жизнь, веселье и движение! Немудрено, что этой ночью твой образ, всегда уносящийся вперед, промелькнул в сновидениях одного мальчика. Немудрено, что много лет спустя, когда ты унеслась от него навсегда, час этот показался ему самым мрачным в его жизни.

Глава IV

Ханс и Гретель находят друга

В полдень наши юные друзья толпой хлынули из школы, чтобы потренироваться часок на канале.

Они катались всего несколько минут, как вдруг Карл Схуммель сказал Хильде с усмешкой:

– Смотри, хорошенькая парочка появилась там, на льду! Вот оборванцы! Не иначе как сам король подарил им эти коньки.

– Они упорные ребята, – мягко проговорила Хильда. – Должно быть, трудно было выучиться бегать на таких нелепых обрубках. Ты знаешь, они ведь очень бедные крестьяне. Мальчик, наверное, сам сделал себе коньки.

Карл слегка смутился:

– Ты говоришь, они упорные... Может быть... Но посмотри, как они бегают! Только разбегутся, как уже спотыкаются. Помнишь ту пьесу *staccato*¹⁰, которую ты недавно разучила? Им бы под эту музыку кататься!

Хильда весело рассмеялась и отбежала прочь. Догнав небольшую группу конькобежцев и промчавшись мимо, она остановилась возле Гретель, жадными глазами смотревшей на веселье.

– Как тебя зовут, девочка?

– Гретель, юфроу¹¹, – ответила та, слегка робея. Они было почти ровесницы, но ведь Хильда родилась в богатой семье. – А моего брата зовут Хансом.

– Ханс – крепкий малый! – проговорила Хильда весело. – Можно подумать, что внутри у него теплая печка. А вот ты, кажется, совсем замерзла. Хорошо бы тебе одеться потеплее, малютка...

Гретель, которой больше нечего было надеть, заставила себя рассмеяться и ответила:

– Я уже не очень маленькая. Мне двенадцать с лишком.

– Вот как! Прости, пожалуйста. Мне, видишь ли, почти четырнадцать лет, но я такая рослая для своего возраста, что все другие девочки кажутся мне маленькими. Впрочем, всё это пустяки. Может быть, ты намного перерастешь меня. Только одевайся потеплее, ведь девочки не растут, если они вечно дрожат от холода.

Ханс вспыхнул, заметив слезы на глазах у Гретель.

– Моя сестра не жаловалась на холод, но погода и правда морозная. – И он с грустью взглянул на сестру.

– Ничего, – сказала Гретель. – Когда я катаюсь на коньках, мне тепло, жарко даже... Благодарю вас за заботу, вы очень добры, юфроу!

– Нет-нет! – возразила Хильда, очень недовольная собой. – Я неосторожная, жестокая, но я это не со зла. Я только хотела спросить тебя... то есть... если...

И тут Хильда запнулась, едва начав говорить о том, зачем прибежала сюда. Ей стало неловко перед этими бедно одетыми, но полными достоинства ребятами, хотя она и хотела оказать им внимание.

– А в чем дело, юфроу? – с готовностью воскликнул Ханс. – Не могу ли я вам услужить? Что-нибудь...

---

¹⁰ *Staccato* – отрывистое исполнение музыкального или вокального произведения (ит.).

¹¹ Ю ф р ó у – барышня; более вежливое обращение – йонгфроу. (Примеч. авт.)

– Нет-нет! – рассмеялась Хильда, оправившись от смущения. – Я только хотела поговорить с вами о наших больших состязаниях. Хотите участвовать? Вы оба отлично бегаєте на коньках, а за участие платить не надо. Всякий может записаться и получить приз.

Гретель с грустью взглянула на Ханса, а он, сдернув шапку, почтительно ответил:

– Нет, юфроу, если бы даже мы записались, мы очень скоро отстали бы от других. Смотрите, наши коньки из твердого дерева, – он приподнял ногу, – но они быстро отсыревают, липнут ко льду, и мы спотыкаемся.

Глаза у Гретель заискрились смехом: она вспомнила об утренней неудаче Ханса, но тут же покраснела и робко пролепетала:

– Нет-нет, участвовать нам не придется. Но ведь нам можно пойти посмотреть на состязания, юфроу?

– Конечно, – ответила Хильда, ласково глядя на серьезные лица брата и сестры и жалея от всего сердца, что истратила почти все свои карманные деньги, полученные в этом месяце, на кружева и наряды. У нее осталось только восемь квартье¹², а их едва хватило бы на покупку одной пары коньков.

Со вздохом взглянув на ноги брата и сестры, столь разные по размерам, она спросила:

– Кто из вас лучше катается на коньках?

– Гретель, – быстро ответил Ханс.

– Ханс, – в то же мгновение сказала Гретель.

Хильда улыбнулась.

– Я не могу купить обоим вам по паре коньков или даже хотя бы одну хорошую пару, но вот вам восемь квартье. Решите сами: у кого больше шансов победить на состязаниях, тому и купите коньки. Жаль, что у меня не хватает денег на коньки получше... До свидания!

И, сунув деньги взволнованному Хансу, Хильда улыбнулась, кивнула и быстро ускользнула прочь, догонять товарищей.

– Юфроу! Юфроу ван Глек! – громко крикнул Ханс, с трудом ковыляя за ней, так как ремешок на его коньках развязался.

Хильда повернулась, приложив руку к глазам, чтобы защитить их от солнца, и Хансу почудилось, будто она плывет к нему по воздуху, все ближе, ближе...

– Мы не можем взять эти деньги, – задыхаясь, пробормотал Ханс, – хоть и знаем, что вы дали их от чистого сердца.

– Почему же? – спросила Хильда, краснея.

– Потому, – ответил Ханс, кланяясь, как паяц, но устремив гордый взгляд принца на высокую, стройную девочку, – что мы их не заработали.

Хильда была находчива. Она еще раньше заметила на шее у Гретель красивую деревянную цепочку.

– Вырежьте мне цепочку, Ханс, вот такую, как у вашей сестры.

– Это я сделаю с радостью, юфроу. У нас дома есть кусок тюльпанового дерева, оно красивое, как слоновая кость. Вы завтра же получите цепочку.

И он торопливо попытался вернуть деньги Хильде.

– Нет-нет, – возразила Хильда решительным тоном, – эти деньги – ничтожная плата за такую цепочку!

И она умчалась, обгоняя самых быстроногих конькобежцев.

Ханс удивленно и долго смотрел ей вслед, чувствуя, что спорить с ней бесполезно.

– Пусть так, – пробормотал он, то ли про себя, то ли обращаясь к своей верной тени – Гретель. – Значит, придется мне поработать усердно, не теряя ни минуты. Пожалуй, до полу-

---

¹² К в а р т ь е – мелкая серебряная монета.

ночи просижу, если только мама не запретит жечь свечу, но цепочку закончу... Деньги можно оставить у себя, Гретель.

– Что за милая девочка! – воскликнула Гретель, восторженно хлопая в ладоши. – Слушай, Ханс, значит, недаром аист свил гнездо у нас на крыше прошлым летом! Помнишь, как мама сказала, что он принесет нам счастье, и как она плакала, когда Янзоон Кольп застрелил его? И она сказала, что Янзоону это принесет горе. И вот счастье к нам пришло наконец-таки! Теперь, Ханс, если мама пошлет нас завтра в город, ты сможешь купить коньки на рынке.

Ханс покачал головой:

– Барышня дала нам деньги на покупку коньков. Но, если я заработаю их, Гретель, они пойдут на шерсть. Тебе нужна теплая кофта.

– О-о! – крикнула Гретель в неподдельном отчаянии. – Не купить коньков! Да ведь я мерзну вовсе не так уж часто. Мама говорит, что в жилах бедных детей кровь бежит вверх и вниз, напевая: «Я должна их согреть! Я должна их согреть!..» О Ханс, – продолжала она, чуть не всхлипывая, – не говори, что ты не купишь коньков, а то я заплачу... И вообще я хочу мерзнуть... то есть мне, право же, страшно тепло...

Ханс быстро взглянул на нее. Как истый голландец, он приходил в ужас при виде слез да и любого проявления чувств и пуще всего боялся смотреть в голубые глаза сестренки, залитые слезами.

– Пойми, – воскликнула Гретель, догадавшись, что преимущество на ее стороне, – я буду страшно огорчена, если ты не купишь коньков! Мне они не нужны, я не такая жадная. Я хочу, чтобы ты купил коньки себе. А когда я подрасту, они пригодятся и мне... Ну-ка, Ханс, сосчитай монеты. Видал ты когда-нибудь столько денег?

Ханс задумчиво перебирал монеты на ладони. Никогда в жизни ему так страстно не хотелось иметь коньки. О состязаниях он слышал еще до разговора с Хильдой и по-мальчишески жаждал случая испытать свои силы вместе с другими ребятами. Он не сомневался, что на хороших стальных лезвиях легко обгонит большинство мальчиков на канале. Возражения Гретель казались ему убедительными. С другой стороны, он знал, что ей, такой маленькой, но сильной и гибкой, стоит только неделю потренироваться на хороших лезвиях – и она будет бежать лучше Рихи Корбес или даже Катринки Флак... Как только эта мысль пришла ему в голову, он принял решение. Если Гретель не хочет кофту, она получит коньки.

– Нет, Гретель, – ответил он наконец, – я могу и подождать. Когда-нибудь я накоплю денег и достану себе хорошую пару коньков. А на эти деньги купишь коньки ты.

Глаза у Гретель засияли радостью, но она сразу же заспорила снова, хоть и не очень настойчиво:

– Барышня дала деньги тебе, Ханс. Если их возьму я, это будет очень скверно с моей стороны.

Ханс решительно тряхнул головой и зашагал вперед, а его сестренка то шла, то бежала за ним вприпрыжку, чтобы не отстать. Они уже сняли свои деревянные полозья и спешили домой – рассказать матери радостные новости.

– Слушай, я знаю, как надо сделать! – весело закричала вдруг Гретель. – Купи такие коньки, которые тебе будут немножко малы, а мне велики, и мы сможем кататься на них по очереди. То-то будет славно, правда? – И Гретель снова захлопала в ладоши.

Бедный Ханс! Соблазн был велик, но стойкий юноша поборол его.

– Глупости, Гретель! С большими коньками у тебя ничего не выйдет. Ты и на этих-то спотыкалась, как слепой цыпленок, пока я не обточил концы. Нет, тебе нужна пара как раз по ноге, и ты вплоть до двадцатого должна пользоваться всяким удобным случаем, чтобы тренироваться. Моя маленькая Гретель завоюет приз – серебряные коньки!

При одной мысли о такой возможности Гретель не смогла удержаться от восторженного смеха.

– Ханс! Гретель! – послышался знакомый голос.

– Идем, мама!

Они поспешили домой, и Ханс все время подбрасывал монеты на ладони.

* * *

Во всей Голландии не нашлось бы такого гордого и счастливого юноши, как Ханс Бринкер, когда он на другой день следил глазами за сестрой, которая ловко скользила, носясь туда-сюда среди конькобежцев, заполнивших под вечер весь канал. Добрая Хильда подарила ей теплую кофту, а тетюшка Бринкер починила и привела в приличный вид ее рваные башмаки. Раскрасневшись от удовольствия и совершенно не замечая устремленных на нее недоумевающих взглядов, малютка стрелой носилась взад и вперед, чувствуя себя так, словно сверкающие лезвия у нее на ногах внезапно превратили всю землю в сказочную страну. В ее благородной душе непрестанно звучало: «Ханс, милый, добрый Ханс!»

– Бейдендондер! (Клянусь громом!) – воскликнул Питер ван Хольп, обращаясь к Карлу Схуммелю. – Неплохо катается эта малютка в красной кофте и заплатанной юбке. Гуне! (Черт возьми!) Можно сказать, что у нее пальцы на пятках и глаза на затылке! Смотри-ка! Вот будет здорово, если она примет участие в состязаниях и побьет Катринку Флак!

– Тсс! Не так громко! – остановил его Карл, насмешливо улыбаясь. – Эта барышня в лохмотьях – любимица Хильды ван Глек. Сверкающие коньки – ее подарок, если не ошибаюсь.

– Ах вот как! – воскликнул Питер с сияющей улыбкой: Хильда была его лучшим другом. – Значит, она и тут успела сделать доброе дело!

И мейнхеер ван Хольп, выписав на льду двойную восьмерку, а потом огромную букву «П», сделал прыжок, выписал букву «Х» и покатил дальше, не останавливаясь, пока не очутился рядом с Хильдой.

Взявшись за руки, они катались вместе, сначала смеясь, потом спокойно разговаривая вполголоса.

Как ни странно, Питер ван Хольп вскоре пришел к неожиданному заключению, что его сестренке необходимо иметь точь-в-точь такую деревянную цепочку, как у Хильды.

Два дня спустя, в канун праздника святого Николааса, Ханс, успевший сжечь три свечных огарка и вдобавок порезать себе большой палец, стоял на базарной площади в Амстердаме и покупал еще одну пару коньков – для себя!

Глава V

Тени в доме

Милая тетушка Бринкер! Как только убрали со стола после скудного обеда, она в честь святого Николааса надела свое праздничное платье. «Это порадует детей», – подумала она и не ошиблась. За последние десять лет праздничное платье надевалось очень редко, а раньше, когда его хозяйку знали во всей округе и называли хорошенькой Мейтье Кленк, оно хорошо служило и красовалось на многих танцевальных вечеринках и ярмарках. Платье хранилось в старом дубовом сундуке, и теперь детям лишь изредка позволялось взглянуть на него. Полинявшее и поношенное, им оно казалось роскошным. Плотнo облегающий лиф был из синего домотканого сукна; его квадратный вырез открывал белую полотняную рубашечку, собранную вокруг шеи; красно-коричневая юбка была оторочена по подолу черной полосой. В шерстяных вязаных митенках¹³, в нарядном чепчике, который, не в пример будничному, позволял видеть волосы, мать казалась Гретель чуть ли не принцессой, а Ханс, глядя на нее, превратился в степенного и благонаправного молодого человека.

Заплетая свои золотистые косы, девчурка в пылу восхищения чуть не плясала вокруг матери.

– Ой, мама, мама, мама, какая же ты хорошенькая!.. Смотри, Ханс, прямо картинка, правда?

– Прямо картинка, – весело согласился Ханс, – прямо картинка!.. Только мне не нравятся эти штуки у нее на руках – вроде чулок.

– Тебе не нравятся митенки, братец Ханс?! Но ведь они очень удобные... Смотри, они закрывают все красные места на коже... Ах, мама, какая у тебя белая рука там, где кончается митенка! Белее моей, гораздо белей! Послушай, мама, лиф тебе узок. Ты растешь! Ты положительно растешь!

Тетушка Бринкер рассмеялась.

– Он был сшит очень давно, милочка, когда талия у меня была не толще мутовки¹⁴. А как тебе нравится чепчик? – И она повернула голову сначала в одну сторону, потом в другую.

– Ах, ужасно нравится, мама! Он такой краси-и-вый! Гляди, на тебя отец смотрит!

Неужели отец действительно смотрел на мать? Да, но – бессмысленным взглядом. Его вроу¹⁵ вздрогнула, обернулась к нему, и что-то похожее на румянец заиграло у нее на щеках, а глаза испытующе сверкнули. Но загоревшийся взгляд ее тотчас же погас.

– Нет-нет... – вздохнула она, – он ничего не понимает. Ну-ка, Ханс, – и слабая улыбка вновь мелькнула у нее на губах, – не стой так целый день, уставившись на меня, ведь в Амстердаме тебя ждут новые коньки.

– Ах, мама, – отозвался он, – тебе нужно столько разных разностей! Зачем мне покупать коньки?

– Глупости, сынок! Тебе дали деньги или дали работу – это все равно, – чтобы ты смог купить себе коньки. Иди же, пока солнце еще высоко.

– Да, и не задерживайся, Ханс! – рассмеялась Гретель. – Нынче вечером мы с тобой посостязаемся на канале, если мама отпустит.

Уже на пороге Ханс обернулся и сказал:

– На твоей прялке нужно сменить подножку, мама.

---

¹³ М и т ё н к и – перчатки без пальцев.

¹⁴ М у т ó в к а – кухонная утварь, лопаточка или специальная палочка для взбалтывания или взбивания.

¹⁵ В р ó у – жена.

– Ты сам можешь сделать ее, Ханс?

– Могу. На это денег не надо. Но тебе нужны и шерсть, и перья, и мука, и...

– Ладно, ладно! Хватит. На твое серебро всего не купишь. Ах, сынок, если бы деньги, которые у нас украли, вдруг вернулись сегодня, в этот радостный день накануне праздника святого Николааса, как бы мы обрадовались! Еще вчера вечером я молилась доброму святому...

– Мама! – с досадой перебил ее Ханс.

– А почему бы и нет, Ханс! Стыдно тебе упрекать меня за это. Ведь я поистине такая же набожная протестантка¹⁶, как и любая благородная дама, что ходит в церковь. И если я иногда обращаюсь к доброму святому Николаасу, так ничего худого в этом нет. Подумать только! На что это похоже, если я не могу помолиться святому без того, чтобы мои родные дети на меня не напали! А ведь он как раз покровитель мальчиков и девочек... Замолчи! Жеребенок кобылу не учит!

Ханс слишком хорошо знал свою мать, чтобы возражать ей хоть словом, когда голос ее становился таким резким и пронзительным, как сейчас (а это случалось всякий раз, как она заговаривала о пропавших деньгах), поэтому он сказал ласково:

– А о чем ты просила доброго святого Николааса, мама?

– Я просила, чтобы он не давал вора́м спать ни минуты, пока они не вернут денег, если только это в его силах, или же чтобы он прояснил наш разум и мы сами смогли найти деньги. В последний раз я видела их за день до того, как ваш милый отец расшибся... Впрочем, тебе это хорошо известно, Ханс.

– Это мне известно, мама, – грустно ответил он, – и ты чуть не перевернула весь дом, пока искала их.

– Да, но все напрасно, – жалобно промолвила мать. – Как говорится: тот найдет, кто спрятал.

Ханс вздрогнул.

– А ты думаешь, отец мог бы сообщить о них что-нибудь? – спросил он с таинственным видом.

– Конечно, – ответила тетушка Бринкер, кивнув. – То есть я так думаю, но это еще ничего не значит. На этот счет я меняю свои мнения чуть ли не каждый день. Может, отец отдал деньги за те большие серебряные часы, что у нас хранятся с того самого дня. Но нет... этому я никогда не поверю.

– Часы не стоят и четверти этих денег, мама.

– Конечно нет, а твой отец до самой последней минуты был рассудительным человеком. Он был такой степенный и бережливый, что не стал бы делать глупости.

– Но откуда же у нас эти часы? – вот чего я не могу понять, – пробормотал Ханс не то про себя, не то обращаясь к матери.

Тетушка Бринкер покачала головой и бросила скорбный взгляд на мужа, который сидел, тупо уставившись в пол. Гретель сидела рядом с ним и вязала.

– Этого мы никогда не узнаем, Ханс. Я много раз показывала часы отцу, но для него они все равно что картофелина. В тот страшный вечер он пришел домой ужинать, передал мне часы и велел бережно хранить их, покуда он сам их не попросит. Едва он открыл рот, чтобы добавить еще что-то, как к нам ворвался Броом Клаттербоост и закричал, что плотина в опасности. Ах! Страшна была вода в том году в неделю Святой Троицы! Мой хозяин схватил свои инструменты и убежал. Последний раз видела я его тогда в здравом уме. В полночь его принесли домой полумертвого; голова у него, бедного, была вся порезана и разбита. Со вре-

---

¹⁶ П р о т е с т а н т к а – последовательница одного из основных направлений в христианстве наряду с православием и католицизмом.

менем лихорадка прошла, но разум к нему не вернулся, нет... Ему становится все хуже и хуже с каждым днем... Никогда мы ничего не узнаем...

Ханс все это слышал и раньше. Не раз он видел, как мать в дни острой нужды вынимала часы из тайника, почти решившись продать их, но так и не поддавшись этому искушению.

«Нет, Ханс, – говорила она, – мы ведь еще не умираем с голоду. Не будем же нарушать доверие отца!»

Сейчас сын ее вспомнил несколько таких случаев и тяжело вздохнул. Потом покатиł кусочек воска по столу в сторону Гретель и сказал:

– Да, мама, ты молодец, что сохранила часы... Многие давным-давно променяли бы их на золото.

– И тем позорнее для них! – негодуяще воскликнула тетушка Бринкер. – Я бы так не поступила. К тому же знатные господа до того несправедливы к нам, бедным людям, что, стоило бы им увидеть такую ценную вещь у нас в руках, они – даже Расскажи мы им все, – чего доброго, заподозрили бы отца в...

Щеки Ханса залились гневным румянцем.

– Они не посмели бы это сказать, мама! Посмей они только... я бы...

Он сжал кулак, видимо решив, что последние слова этой фразы слишком страшны, чтобы произнести их в присутствии матери.

Тетушка Бринкер улыбнулась сквозь слезы, гордясь негодованием сына.

– Ах, сынок, ты честный, славный мальчик!.. С часами мы никогда не расстанемся. Перед смертью дорогой ваш отец, быть может, придет в себя и спросит о них.

– Придет в себя, мама! – повторил Ханс. – Придет в себя... и узнает нас?

– Да, сынок, – почти шепотом ответила мать. – Такие случаи бывали.

За разговором Ханс чуть не позабыл о том, что собирался идти в Амстердам. Мать редко говорила с ним так откровенно. Теперь он чувствовал себя не только ее сыном, но и ее другом, ее советчиком.

– Ты права, мама, с часами мы не должны расставаться. Мы всегда будем хранить их ради отца. Да и деньги, может, найдутся когда-нибудь... неожиданно.

– Никогда! – воскликнула тетушка Бринкер, рывком снимая последнюю петлю со спицы и тяжело роняя недоконченное вязанье на колени. – И думать нечего! Тысяча гульденов!¹⁷ И все пропали в один день! Тысяча гульденов... Ох! И куда они только девались? Если они пропали дурным путем, вор признался бы в этом перед смертью... Он не посмел бы умереть с таким преступлением на душе!

– Может, он еще не умер, – сказал Ханс, стараясь успокоить ее. – Может, мы когда-нибудь узнаем о нем.

– Ах, дитя, – промолвила мать другим тоном, – какому вору взбрело бы в голову прийти сюда? У нас в доме, слава богу, всегда было чисто и опрятно, но небогато, ведь мы с отцом всё экономили да экономили, чтобы скопить кое-что, как говорится: «Понемножку, да часто – вот и сумка полна». Так оно взаправду и вышло. Кроме того, у отца уже были немалые деньги, полученные за работу в Хеернохте во время большого наводнения. Каждую неделю мы откладывали гульден, а то и больше, ведь отец работал сверхурочно и получал немалую плату за свой труд. Каждую субботу вечером мы сколько-нибудь добавляли к отложенным деньгам, не считая того времени, когда ты, Ханс, болел лихорадкой и когда родилась Гретель. Наконец кошелек был так набит, что я заштопала старый чулок, и мы начали класть деньги в него. Теперь мне кажется, будто денег в нем набралось до самого верха – и всего за несколько недель. В те годы жалованье платили хорошее, если рабочий кое-что смыслил в технике. Чулок все наполнялся медью и серебром... и золотом тоже. Ну да, можешь открыть глаза еще шире, Гретель.

---

¹⁷ Г у л ь д е н – крупная серебряная или золотая монета.

Я, бывало, со смехом говорила отцу, что не из бедности ношу свое старое платье... А чулок все наполнялся и был так туго набит, что я не раз, проснувшись ночью, тихонько вставала и при лунном свете шла пощупать его. Потом на коленях благодарила Господа за то, что со временем дети мои получат хорошее образование, а отец сможет отдохнуть от своих трудов на старости лет. Порой за ужином мы с отцом поговаривали, что хорошо бы, мол, заново переделать камин и построить хороший зимний хлев для коровы. Но мой хозяин метил куда выше этого. «Большой парус ловит ветер, – говорил он. – Скоро мы сможем позволить себе все, что захотим...» И потом мы вместе распевали песни, пока я мыла посуду. Ах... «На тихом море за рулем легко...» С утра до ночи не было у меня никаких огорчений. Каждую неделю отец вынимал чулок, клал туда деньги, а сам смеялся и целовал меня, пока мы вместе завязывали тесемки... Ступай-ка, Ханс! Сидишь тут разинув рот, а день на исходе! – резко закончила тетушка Бринкер, краснея при мысли о том, что слишком откровенно говорила с сыном. – Давно пора тебе в путь.

Ханс все время сидел, устремив серьезный взгляд на мать. Теперь он встал и спросил почти шепотом:

– А ты когда-нибудь пыталась, мама?..

Мать поняла его:

– Да, сынок, часто. Но отец только смеется или смотрит на меня так странно, что у меня пропадает охота спрашивать. Когда в прошлую зиму ты и Гретель заболели лихорадкой и хлеб у нас почти вышел, а я ничего не могла заработать – ведь я боялась, как бы вы не умерли, пока меня не будет дома, – ох как я тогда старалась! Я гладила его по голове и шептала ему о деньгах, ласково, как котенок: «Где они?.. У кого они?..» Все напрасно! Он только дергал меня за рукав и бормотал такую чепуху, что вся кровь у меня застывала. Под конец, когда Гретель лежала белее снега, а ты бредил на кровати, я крикнула ему, и мне казалось, что должен же он услышать меня: «Рафф, где наши деньги?! Знаешь ты что-нибудь о деньгах, Рафф? О деньгах в кошельке и чулке, что в большом сундуке лежали?» Но это было все равно что говорить с камнем... это было...

Голос матери звучал так странно и глаза ее так горели, что Ханс, снова встревоженный, положил ей руку на плечо.

– Успокойся, мама, – сказал он. – Забудем об этих деньгах. Я уже большой и сильный. Гретель тоже очень ловкая и работающая. Скоро мы опять будем зажиточными. Знаешь, мама, для меня и Гретель приятней видеть тебя веселой и радостной, чем иметь все серебро, сколько его есть на свете... Ведь правда, Гретель?

– Мама знает это, – ответила Гретель, всхлипывая.

Глава VI

Лучи солнца

Волнение детей и поразило и обрадовало тетюшку Бринкер, так как оно доказывало их любовь и преданность. Бывает, что красивые дамы в знатных домах вдруг улыбнутся так ласково, что их улыбка озарит все вокруг. Но далеко ей до той святой материнской улыбки, какой тетюшка Бринкер попыталась развеселить своих бедно одетых детей в убогом домишке. Она пожалела, что, не считаясь с ними, так много говорила о своей горе. Покраснев и приободрившись, она поспешно вытерла глаза и посмотрела на детей так, как может смотреть только мать.

– Ну и ну! Хорошенькие у нас разговоры! А ведь праздник святого Николааса вот-вот наступит! Немудрено, что пряжа колет мне пальцы. Слушай, Гретель, возьми эту монетку и, пока Ханс будет покупать коньки, купи себе вафлю на рынке.

– Позволь мне остаться дома с тобой, мама, – сказала Гретель, подняв глаза, блестящие сквозь слезы. – Вафлю мне купит Ханс.

– Как хочешь, дочка... И вот что, Ханс, подожди минутку. Еще три ряда – и я закончу свое вязание, а ты получишь пару самых лучших чулок на свете, хотя пряжа чуть-чуть грубовата, и тродяттть их чулочнику на улице Хейрен-грахт. Выручишь три четверти гульдена, если хорошенько поторгуешься. В такой мороз и впрямь есть хочется – купи четыре вафли. Так и быть, отпразднуем день святого Николааса.

Гретель захлопала в ладоши.

– Вот будет хорошо! Анни Боуман рассказывала мне, как будут пировать в богатых домах нынче вечером. Но нам тоже будет весело! Ханс купит себе красивые новые коньки... и вафель покушаем. Вот счастье-то! Смотри не раскроши их, братец Ханс! Хорошенько заверни да поосторожней засунь под куртку, а куртку застегни.

– Конечно, – отозвался Ханс, приняв чрезвычайно суровый вид от удовольствия и сознания собственной значительности.

– Ах, мама! – вскричала Гретель в бурном восторге. – Скоро тебе придется возиться с отцом, а сейчас ты только вяжешь. Так расскажи нам все-все про святого Николааса!

Тетюшка Бринкер рассмеялась, увидев, что Ханс повесил на место шапку и приготовился слушать.

– Ни к чему, ребята, – сказала она, – ведь я вам много раз о нем рассказывала.

– Расскажи опять! Ох, пожалуйста, расскажи опять! – воскликнула Гретель, усевшись на чудесную деревянную скамеечку, которую Ханс смастерил для матери в день ее рождения.

Ханс тоже был очень не прочь послушать рассказ, но не хотел показаться ребячливым и потому стоял у камина, с небрежным видом размахивая своими старыми коньками.

– Ну что ж, дети, слушайте, но больше никогда не будем так вот зря проводить время среди бела дня. Подними свой клубок, Гретель, и вяжи носок, пока я буду рассказывать. Как говорится: «Уши наостри, а сложа руки не сиди»... Святой Николаас, надо вам знать, замечательный святой! Он печется о благе моряков, но больше всего он любит мальчиков и девочек. Так вот, однажды, когда он еще жил на земле, один азиатский купец послал своих трех сыновей в большой город, Афины, учиться.

– А что, Афины в Голландии, мама? – спросила Гретель.

– Не знаю, дочка. Должно быть, что так.

– Нет, мама, – почтительно возразил Ханс. – Мы давно проходили это на уроках географии. Афины в Греции.

– Пускай, – согласилась мать, – не все ли равно? Может быть, Греция принадлежит нашему королю, почем знать? Так или иначе, этот богатый купец послал своих мальчиков в

Афины. По дороге они остановились на ночлег в захолустной гостинице, решив снова отправиться в путь поутру. Ну вот, одеты они были очень хорошо... может быть, в бархат и шелк, какие носят дети богатых людей, а кушаки у них были набиты деньгами... Что же сделал злой хозяин гостиницы? Он задумал убить мальчиков да забрать себе их деньги и хорошее платье. И вот в эту ночь, когда все на свете спали, он встал и убил всех троих.

Гретель стиснула руки и вздрогнула, а Ханс постарался принять такой вид, будто слушать про убийства и грабежи для него привычное дело.

– И это было еще не самое худшее, – продолжала тетушка Бринкер, медленно работая спицами и стараясь не сбиться со счета петель, – это было еще не самое худшее. Злодей хозяин пошел и разрезал тела мальчиков на маленькие кусочки, а потом бросил в огромную кадку с рассолом, чтобы продать их под видом соленой свинины.

– Ой! – воскликнула Гретель, пораженная ужасом, хотя она не раз слышала эту историю.

Ханс сохранял невозмутимое спокойствие и, казалось, думал, что в подобных случаях самое лучшее, что можно сделать, это именно засолить убитых.

– Да, он их засолит, и можно было сказать, что мальчикам пришел конец. Но нет! В ту ночь святому Николаасу было чудесное видение: он увидел, как хозяин гостиницы режет на куски сыновей купца. Спешить ему, конечно, было незачем, ведь он был святой, но утром он пошел в гостиницу и обвинил хозяина в убийстве. Тогда злой хозяин признался во всем и упал на колени, моля о прощении. Он так раскаивался, что даже попросил святого воскресить мальчиков.

– И святой воскресил их? – спросила Гретель в радостном волнении, хотя отлично знала, каков будет ответ.

– Конечно. Соленые куски вмиг срослись, и мальчики выскочили из кадки с рассолом целые и невредимые. Они упали к ногам святого Николааса, и он благословил их, и... Ох! Господи помилуй, Ханс, если ты не уйдешь сию минуту, ты не успеешь вернуться дотемна!

Тетушка Бринкер с трудом перевела дух и совсем расстроилась. Ведь не было еще случая, чтобы ее дети когда-нибудь просидели вот так целый час при дневном свете, ничего не делая, и мысль о такой трате времени привела ее в ужас. Стремясь наверстать потерянное, она заметалась по комнате, спеша изо всех сил. Она швырнула брусок торфа в огонь, сдула невидимую пыль со стола и вручила Хансу довязанные чулки – все это в одно мгновение.

– Ну же, Ханс, – сказала она мальчику, когда он замешкался в дверях, – что тебя задерживает, милый?

Ханс поцеловал мать в полную щеку, все еще румяную и свежую, несмотря на все горести.

– Моя мама лучше всех на свете, и я очень рад, что буду иметь коньки, но... – И, застегивая свою куртку, он бросил взволнованный взгляд на больного отца, скорчившегося у очага. – Если бы я на свои деньги мог привести из Амстердама меестера¹⁸, чтобы он посмотрел отца... Может быть, он помог бы...

– Меестер не придет, Ханс, даже предложи ты ему вдвое больше. А и придет – все равно не поможет. Ах, сколько гульденов я когда-то истратила на лечение, но милый, добрый отец так и не пришел в себя! Божья воля! Иди, Ханс, и купи коньки.

Ханс ушел с тяжелым сердцем, но так как сердце это было молодо и билось в юношеской груди, то уже спустя пять минут он стал насвистывать. Мать сказала ему «милый», и этого было совершенно достаточно, чтобы превратить для него пасмурный день в солнечный. Голландцы, говоря друг с другом, обычно не употребляют ласковых обращений, как, например, французы или немцы. Но тетушка Бринкер в девичьи свои годы жила в Гейдельберге (где делала вышивки для одного семейства) и услышанные там ласковые слова привезла сюда, в свою сдержанную семью; эти слова она произносила только в порыве горячей любви и нежности.

---

¹⁸ Меестер – доктор.

Поэтому ее фраза: «Что тебя задерживает, милый?» – снова и снова звучала, как песня, в ушах Ханса под аккомпанемент его свиста, и мальчику казалось, что в пути его ждет удача.

Глава VII

Ханс добивается своего

До Брука – этой деревни с тихими, безукоризненно чистыми улицами, замерзшими ручьями, желтыми кирпичными мостовыми и веселыми деревянными домиками – было уже рукой подать. Чистота и парадность цвели в ней пышным цветом; что же касается ее жителей, можно было подумать, что они или спят, или умерли.

Ни один след не осквернял посыпанных песком тротуаров, украшенных затейливыми узорами из гольшей и морских раковин. Все ставни были закрыты так плотно, словно воздух и солнечный свет считались здесь ядом, а массивные парадные двери открывались не иначе как по случаю свадьбы, крестин или похорон.

Облака табачного дыма спокойно плавали по скрытым от посторонних глаз комнатам, и даже дети, которые могли бы оживить улицы, или готовили уроки в укромных уголках, или катались на коньках по соседнему каналу. Кое-где в садах стояли павлины и волки, но они были не из плоти и крови – это были подстриженные в виде животных буксовые¹⁹ деревья, и они, казалось, сторожили усадьбы, зеленея от ярости. Бойкие автоматы – утки, женщины и спортсмены – лежали спрятанные в летних домиках, ожидая весны, когда их заведут и они поспорят в живости со своими владельцами, а блестящие черепичные крыши, выложенные мозаикой дворы и отполированные украшения домов, сверкая, посылали безмолвный привет небу, не омраченному ни пылинкой.

Ханс подбрасывал на ладони свои серебряные квартье и смотрел на деревню, раздумывая, правда ли, что некоторые обитатели Брука так богаты, что, как он не раз слышал, даже кухонная посуда у них из чистого золота.

Он видел на рынке сладкие сырки, которые продавала мевроу ван Стооп, и знал, что эта высокомерная особа наживает на них много блестящих серебряных гульденов. Но неужто, думал он, сливки у нее отстаиваются в золотых кринках? Неужто она собирает их золотой шумовкой? Неужто у ее коров, когда они стоят в зимних хлевах, хвосты действительно подвязаны лентами?

Такие мысли мелькали у него в голове, когда он обратился лицом к Амстердаму, расположенному в пяти милях, на той стороне замерзшего Ая²⁰. На канале лед был отличный, но деревянные коньки Ханса, которые он так скоро собирался выбросить, жалобно скрипели, словно прощаясь с хозяином, пока он подвигался вперед, то скользя, то шаркая ногами.

И кого же увидел Ханс, пересекая Ай, как не скользившего ему навстречу знаменитого доктора Букмана, самого известного в Голландии врача-хирурга? Ханс никогда не встречался с ним, но видел его гравированные портреты в витринах многих амстердамских лавок. Это лицо не забывалось. Доктор, тощий и длинный (хоть он и был чистокровный голландец), со строгими голубыми глазами, поджатыми губами, словно говорившими: «Улыбки запрещены», казался не слишком веселым и общительным и вообще не таким человеком, с которым хорошо воспитанный юноша решился бы заговорить без особо важной причины.

Но Ханса побуждал к этому голос, которому он не повиновался очень редко, – его собственная совесть.

«Вот идет лучший в мире врач, – шептал голос. – Сам Бог послал его. Ты не имеешь права покупать коньки, если на эти деньги можешь пригласить такого знаменитого доктора, чтобы он помог твоему отцу!»

---

¹⁹ Б у к – вечнозеленый декоративный кустарник или небольшое южное дерево, самшит.

²⁰ А й (прав. Эй) – река, впадающая в залив Зейдер-Зее.

Деревянные коньки торжествующе скрипнули. Сотни чудесных стальных лезвий сверкнули в воображении Ханса и исчезли. Ему почудилось, что деньги жгут ему пальцы. Старый доктор казался чрезвычайно мрачным и неприступным. У Ханса комок подступил к горлу, но все же у него хватило голоса, чтобы, поравнявшись с доктором, крикнуть:

– Мейнхеер Букман!

Великий человек остановился и, выпятив тонкую нижнюю губу, оглянулся, хмурия брови. Но Ханс уже решил добиться своего.

– Мейнхеер, – проговорил он, задыхаясь и подкатывая поближе к грозному доктору, – я знаю, вы не кто иной, как прославленный хирург Букман. Я хочу просить вас о великой милости...

– Хм! – фыркнул доктор, готовясь ускользнуть от назойливого юноши. – Дайте пройти... у меня нет денег... никогда не подаю нищим.

– Я не нищий, мейнхеер! – гордо возразил Ханс и с важным видом показал доктору свою крошечную кучку серебра. – Я хочу посоветоваться с вами насчет моего отца. Он жив, но все равно что мертвец. Голова у него не работает, речь бессмысленная, но он не болен. Он упал с плотины.

– Как? Что?! – выкрикнул доктор, начиная прислушиваться.

Ханс сбивчиво рассказал ему все, что знал об отце, раз или два смахнув слезинку, и закончил серьезным тоном:

– Пожалуйста, посмотрите его, мейнхеер. Тело у него здоровое... а вот разум... Я знаю, этих денег мало, но возьмите их, мейнхеер, а я заработаю еще... Обязательно заработаю... Обещаю работать на вас всю жизнь, если вы только вылечите моего отца!

Что случилось со старым доктором? Что-то светлое, как солнечный луч, промелькнуло на его лице. Глаза его увлажнились и подобрели; рука, только что сжимавшая палку, словно собираясь нанести удар, теперь тихонько легла на плечо Ханса.

– Спрячь свои деньги, мальчик, мне они не нужны... Отца твоего мы посмотрим... Боюсь только, что случай безнадежный. Как ты сказал... сколько времени прошло с тех пор?

– Десять лет, мейнхеер! – воскликнул Ханс, сияя внезапно пробудившейся надеждой.

– Так! Случай трудный, но я посмотрю твоего отца. Сейчас скажу когда... Сегодня я отправляюсь в Лейден. Вернусь через неделю, тогда и жди меня. Где вы живете?

– В миле к югу от Брука, мейнхеер, близ канала. Лачужка у нас бедная, ветхая. Любой из тамошних ребят укажет ее вашей чести, – добавил Ханс, тяжело вздыхая. – Все они побаиваются нашей лачуги, называют ее «дом идиота».

– Так, так, – сказал доктор и заспешил дальше, ласково кивнув Хансу через плечо. – Я приду.

– Безнадежный случай, – бормотал он про себя, – но малый мне нравится. Глаза его напоминают глаза моего бедного Лоуренса... К черту! Неужели я никогда не забуду этого негодя?! – И, нахмурившись еще больше, чем обычно, доктор молча продолжал свой путь.

А Ханс снова покатылся к Амстердаму на скрипящих деревянных коньках; снова пальцы его перебирали монеты в кармане; снова мальчишеский свист невольно слетал с его губ.

«Не поспешить ли домой, – раздумывал он, – чтобы сообщить радостную весть?... Или сначала купить вафли и новые коньки? Фью-ю! Пожалуй, покачу дальше».

Глава VIII

Знакомит нас с Якобом Поотом и его двоюродным братом

В канун праздника святого Николааса Ханс и Гретель провели вечер очень весело. Месяц ярко светил, и, хотя тетушка Бринкер сама себя убедила в том, что ее муж неизлечим, она так обрадовалась предстоящему визиту меестера, что вняла мольбам детей и отпустила их покататься часок перед сном.

Ханс был в восторге от своих новых коньков и, стремясь показать Гретель, как прекрасно они «работают», выписывал на льду такие фигуры, что девочка стискивала руки в безмолвном восхищении. Брат и сестра были здесь не одни, но никто из катавшихся по льду, видимо, не замечал их.

Братья ван Хольп и Карл Схуммель из всех сил соревновались в резвости. Из четырех пробегов Питер ван Хольп вышел победителем в трех. Поэтому Карл, и всегда-то не очень любезный, сейчас был настроен отнюдь не благодушно. Он вознаграждал себя, насмехаясь над маленьким Схиммельпеннинком, а тот, как самый младший, кротко сносил насмешки и хоть старался держаться поближе к товарищам, но не чувствовал себя полноправным членом их компании. И вдруг Карлом овладела новая мысль – вернее, он сам овладел ею и пошел в атаку на приятелей.

– Слушайте, ребята, давайте не пустим на состязания этих оборванцев, что живут в «доме идиота»! Хильда сошла с ума, когда затеяла все это. Катринка Флак и Рихи Корбес прямо бесятся, как вспомнят, что им предстоит состязаться с какой-то нищей девчонкой! И что до меня, я их не осуждаю. А насчет парня... Если мы считаем себя настоящими мужчинами, мы не потерпим самой мысли о том...

– Конечно нет! – перебил Карла Питер ван Хольп, притворяясь, что превратно понял его слова. – А как же иначе? Ни один человек, считающий себя настоящим мужчиной, не станет отказывать двум хорошим конькобежцам только потому, что они бедняки!

Карл как бешеный завертелся на месте.

– Легче на поворотах, милейший! И будь любезен не подсказывать другим. В другой раз лучше и не пытайся!

– Ха-ха-ха! – расхохотался маленький Воостенвальберт Схиммельпенник, предвкушая неминуемую драку и не сомневаясь, что, когда дело дойдет до кулаков, его любимец Питер поколотит дюжину таких заносчивых мальчишек, как Карл.

Но что-то в глазах Питера побудило Карла перенести свой гнев на более слабого противника. Он в ярости налетел на Вооста:

– А ты чего визжишь, звереныш?! Костлявая селедка, коротышка обезьяна с длинным именем вместо хвоста!

Несколько мальчиков, стоявших и катавшихся поблизости, криком выразили одобрение этому храброму остроумию, и Карл, полагая, что враги его побеждены, отчасти вернул себе хорошее расположение духа. Однако он благоразумно решил отныне выступать против Ханса и Гретель только в отсутствие Питера.

В эту минуту на канале появился друг Питера, Якоб Поот. Лица его еще нельзя было рассмотреть, но так как он был самым тучным мальчиком во всей округе, то ошибиться было невозможно.

– Эге, вот и толстяк! – воскликнул Карл. – А с ним кто-то еще, какой-то тощий малый, чужой...

– Ха-ха-ха! Точь-в-точь хорошая свиная грудинка, – вскричал Людвиг, – прослойка мяса, прослойка жира!

– Это англичанин, двоюродный брат Якоба, – вставил Воост, радуясь возможности сообщить новость. – Это его двоюродный брат, англичанин. У него такое смешное коротенькое имя: Бен Добс. Он гостит у них и уедет только после больших состязаний.

Все это время ребята кружились, повертывались, катались и, не прекращая разговора, спокойно выписывали на своих коньках всевозможные замысловатые фигуры. Но теперь они остановились и, поеживаясь от морозного ветра, поджидали приближавшихся к ним Якоба Поота и его друга.

– Это мой двоюродный брат, ребята, – сказал Якоб, отдуваясь, – Бенджамин Добс. Он Джон Буль²¹ и будет участвовать в состязаниях.

Все по-мальчишески столпились вокруг новых пришельцев, и Бенджамин очень скоро решил, что голландцы, несмотря на их диковинное лопотание, славные парни.

Сказать правду, Якоб, представляя своего двоюродного брата, произнес: «Пеншамин Допс» и назвал его «Шон Пуль». Но я перевожу все разговоры наших юных друзей и потому считаю нужным воспроизводить английские имена правильно, а не так, как их произносили ребята.

Вначале юный Добс чувствовал себя очень неловко среди приятелей своего двоюродного брата. Хотя почти все они изучали английский и французский, однако стеснялись говорить на этих языках, а Бен, пытаясь говорить по-голландски, делал много смешных ошибок. Он заучил, что *vrouw* значит «жена», а *ja* – значит «да», *spoorweg* – «железная дорога», *stoombot* – «пароход», *ophaalbruggen* – «подъемные мосты», *бейтен плаастен* – «дачи», *мейнхеер* – «господин», *твеегевет* – «поединок», *копер* – «медь», *задель* – «седло». Но из этих слов он не мог составить ни одной фразы, так же как не находил случая воспользоваться длинным списком фраз, заученных им по учебнику «Голландские диалоги». Темы этих диалогов были очень интересны, но мальчики никогда не касались их.

Как и тот бедняга, который выучился по учебнику Оллендорфа спрашивать на безукоризненном немецком языке: «Вы видели рыжую корову моей бабушки?» – но, приехав в Германию, обнаружил, что ему не представится случая расспросить об этом интересном животном, Бен понял, что усвоенная им книжная голландская речь не помогает ему так, как он надеялся.

Но совместное катание на коньках сметает все преграды, поставленные языком. Поэтому Бен вскоре почувствовал, что он уже близко знаком со всеми мальчиками, и, когда Якоб (пересыпая свою речь французскими и немецкими словами – для удобства Бена) рассказывал об одном замечательном проекте, который они разработали, юный англичанин уже не стеснялся время от времени вставлять «йя» или непринужденно кивать.

Проект был и впрямь замечательный, к тому же теперь представлялся очень удобный случай провести его в жизнь, ибо учеников, как всегда, распустили на праздник святого Николааса и вдобавок еще на четыре дня, чтобы произвести генеральную уборку школьного здания.

Якоб и Бен получили разрешение отправиться в длинное путешествие на коньках – не больше не меньше как в Гаагу, столицу Голландии, а от Брука до нее примерно пятьдесят миль.

– Ну, ребята, – добавил Якоб, рассказав о своем проекте, – кто отправится с нами?

– Я! Я! – возбужденно закричали все мальчики.

– Ия тоже! – осмелился крикнуть маленький Воостенвальберт.

– Ха-ха-ха! – расхохотался Якоб, держась за толстые бока и тряся пухлыми щеками. – Ты тоже отправишься? Такой карапуз? Эх ты, малютка, да ведь ты еще носишь подушечки!

Надо вам сказать, что в Голландии маленькие дети носят на голове под каркасом из китового уса и лент тонкие подушечки, предохраняющие от ушибов при падении. День, когда пере-

²¹ Д ж о н Б у л ь – шутовое прозвище англичан.

стают их носить, отмечает границу между младенчеством и детством. Воост уже несколько лет назад достиг этой высокой степени, и стерпеть оскорбление, нанесенное ему Якобом, оказалось выше его сил.

– Думай, о чем говоришь! – пискнул он. – Лучше сам постарайся когда-нибудь сбросить свои подушки – они у тебя на всех частях тела!

– Ха-ха-ха! – захохотали все мальчики, кроме Добса, который ничего не понял.

– Ха-ха-ха! – громче всех рассмеялся сам Якоб. – Это мой жир... йа... Он говорит, я ношу подушки из жира! – объяснил Бену добродушный толстяк.

Острота Вооста имела такой успех, что все единогласно решили принять мальчика в компанию, если только его родители согласятся.

– Спокойной ночи-и! – протянул ошарашенный малыш, катясь домой во весь дух.

– Спокойной ночи!

– В Хаарлеме мы остановимся, Якоб, и покажем твоему двоюродному брату большой оргán! – оживленно заговорил Питер ван Холп. – В Лейдене тоже найдется много чего посмотреть. Сутки проведем в Гааге – там живет моя замужняя сестра, она очень обрадуется нам, – а на следующее утро отправимся домой.

– Ладно! – коротко ответил Якоб, мальчик не очень разговорчивый.

Людвиг смотрел на брата с восторженным восхищением.

– Молодец, Пит! Ну и мастер ты на всякие проекты! Мама обрадуется не меньше нас, когда узнает, что мы лично передадим ее привет сестре ван Генд... Ой как холодно! – добавил он. – Так холодно, что голова с плеч валится. Пойдемте-ка лучше домой.

– Ну и что же, что холодно, неженка ты этакий! – вскричал Карл, усердно выписывая для упражнения фигуру, которую он называл «двойным лезвием». – Хорошо бы мы сейчас катались, будь теперь так же тепло, как в декабре прошлого года! Неужели не ясно, что, если бы эта зима не была на редкость холодной да еще ранней, нам не пришлось бы отправиться в путешествие?

– А я считаю на редкость холодным сегодняшний вечер, – сказал Людвиг. – Ой какой мороз! Кто куда, а я домой!

Питер ван Холп вынул золотые часы луковицей и, повернув их к лунному свету, насколько ему позволяли окоченевшие пальцы, вскричал:

– Слушайте, уже почти восемь часов! Сейчас явится святой Николаас, а я хочу посмотреть, как будут на него дивиться малыши. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – закричали все и, сорвавшись с места, помчались, крича, распевая песни и хохоча.

А где же были Гретель и Ханс?

Ах как внезапно порой кончается радость!

Они катались около часа, держась в стороне от прочих, совершенно довольные друг другом. И Гретель только успела воскликнуть: «О Ханс, как чудесно, как хорошо! Подумать только, теперь у нас обоих есть коньки! Говорю тебе: это аист принес нам счастье!» – как вдруг они услышали что-то...

Это был крик, очень слабый крик. Никто на канале не обратил на него внимания.

Ханс догадался сразу, что случилось.

Гретель увидела при лунном свете, как он побледнел и поспешно сорвал с себя коньки.

– Отец! – крикнул Ханс. – Он испугал маму!

И Гретель побежала следом за ним к дому со всей быстротой, на какую была способна.

Глава IX

Праздник Святого Николааса

Мы все знаем, что еще до того, как рождественская елка заняла подобающее ей место в домашнем быту нашей родины Америки, некий «развеселый старый эльф» в санках, запряженных «восемью крошечными северными оленями», привозил множество игрушек на крыши наших домов и затем спускался по дымовой трубе, чтобы наполнить чулки детей, с надеждой повешенные ими у камина. Друзья величали его Санта-Клаус, а наиболее близкие осмеливались называть Старый Ник. Говорят, он впервые пришел к нам из Голландии. Несомненно, так оно и было, но, подобно многим другим иностранцам, он, высадившись на наш берег, резко изменил свои повадки. В Голландии святой Николаас – настоящий святой и зачастую появляется там в полном парадном облачении: в расшитых одеждах, сверкающих золотом и драгоценными камнями, в митре²², с посохом и в перчатках, украшенных самоцветами. В Америке веселый Санта-Клаус является 25 декабря – в рождественское утро. В Голландии святой Николаас посещает землю 5 декабря, в день своего праздника²³. Рано утром 6-го он раздает детям сласти, игрушки и прочие сокровища, затем пропадает на целый год.

В день Рождества голландцы только ходят в церковь, а потом в гости к родственникам. Зато в канун праздника святого Николааса голландская детвора просто с ума сходит от радостного ожидания. Надо, впрочем, сказать, что для некоторых ожидание не очень приятно, так как святой любит говорить правду в глаза и, если кто-нибудь из ребят в этом году вел себя плохо, он не постесняется сказать об этом. Иногда он приносит под мышкой березовую розгу и советует родителям задать детям головомойку вместо сладостей и трепку вместо игрушек.

Хорошо, что в этот ясный зимний вечер наши мальчики поспешили домой: не прошло и часа, как святой появился чуть ли не во всех домах Голландии. Он пришел в королевский дворец и в то же самое мгновение появился в уютном доме Анни Боуман. Подарки, которые его святейшество оставил в доме крестьянина Боумана, стоили, наверное, не больше серебряного полудоллара, но бывают случаи, когда бедняк больше радуется медной монете, чем богач куче золота.

...В тот вечер младшие братья и сестры Хильды ван Глек были чрезвычайно взволнованы. Им позволили играть в большой гостиной, их одели в лучшие платья и за ужином дали каждому по два пирожных. Хильда была так же весела, как и все прочие. А почему бы и нет? Ведь она знала, что святой Николаас не вычеркнет из своего списка четырнадцатилетнюю девочку только за то, что она высока ростом и на вид почти взрослая. Напротив, он, может быть, постарается воздать должное такой великовозрастной девице. Почему знать? Поэтому Хильда резвилась, смеялась и танцевала так же радостно, как и самые маленькие дети, и была душой всех их веселых игр. Отец, мать и бабушка смотрели на нее одобрительно; так же смотрел и дедушка – до того, как закрыл себе лицо большим красным носовым платком, оставив непокрытой лишь верхушку своей ермолки²⁴. Этот носовой платок был флагом, возвещавшим о том, что дедушка собирается вздремнуть.

В начале вечера все забавлялись вместе и так расшались, что казалось, будто дедушка отличается от самого маленького своего внука только ростом. Больше того, иногда на лицах младших членов семейства мелькала тень торжественного ожидания, и они становились повзрослому серьезными.

---

²² М и т р а – головной убор высшего духовенства.

²³ Санта-Клаус в Америке и святой Николаас в Голландии не столько религиозные, сколько сказочные образы. Во время зимних праздников они играют примерно такую же роль, как у нас Дед Мороз.

²⁴ Е р м о л к а – маленькая круглая мягкая шапочка.

Дух веселья безраздельно царил в доме. Пламя и то плясало и подпрыгивало в начищенном до блеска камине. Две свечи, надменно взиравшие на небесное светило, начали подмигивать другим далеким свечам в зеркалах. В углу с потолка свешивался длинный шнур от звонка, снизанный из стеклянных бус, которые сеткой оплетали канат в руку толщиной. Обычно этот шнур висел в тени, и его никто не замечал, но сегодня вечером он сверкал сверху донизу. Его ручка из малинового стекла дерзко бросала красные блики на обои, окрашивая их красивые голубые полосы в пурпурный цвет. Прохожие останавливались послушать веселый смех, который доносился до улицы сквозь оконные занавески и рамы, затем шли своей дорогой, забыв, что сегодня вечером у всей деревни сна нет ни в одном глазу.

Наконец шум поднялся такой, что красный платок вдруг соскользнул с дедушкиного лица. Да и какой почтенный пожилой человек мог бы спать под такой гам! Мейнхеер ван Глек удивленно смотрел на своих детей. Даже самый маленький и тот хохотал до упаду. Давно пора было приступить к делу. Мать напомнила детям, что, если они хотят увидеть доброго святого Николааса, им надо спеть ту самую ласковую призывную песенку, которая привела его сюда в прошлом году.

Малыш выпучил глазенки и сунул в рот кулачок, когда отец спустил его на пол. Вскоре он уже сидел прямо и мило хмурил бровки на всю компанию. Весь в кружевах и вышивках, в чепчике из голубых лент и китового уса (ведь он еще не вышел из того возраста, когда ребята то и дело шлепаются на пол), он казался королем всех малышей на свете.

Остальные дети сейчас же взяли в руки по хорошенькой ивовой корзиночке, стали в круг и завели медленный хоровод вокруг малыша, подняв глаза вверх, ибо святой, которого они сейчас собирались призвать своей песенкой, пока еще пребывал в каких-то таинственных облаках. Мать негромко заиграла на рояле; вскоре зазвучали голоса – нежные детские голоса, дрожащие от волнения, а потому казавшиеся еще милее.

Друг святой, приди к нам в гости!
Только с розгой не ходи!
Все приветствуем мы гостя,
И восторг у всех в груди!

А за то, в чем виноваты,
Побрани своих ребяток;
Мы поём, мы поём,
Наставлений скромно ждем!

О святой, приди к нам в гости,
В наш веселый дружный круг!
Все приветствуем мы гостя,
Всех ты радуешь, наш друг!

А подарки, просят дети,
Положи в корзинки эти.
Мы поём, мы поём!
Принеси нам радость в дом!

Так пели дети, и глаза их, исполненные страха и нетерпеливого ожидания, были устремлены на полированную двустворчатую дверь. Но вот послышался громкий стук. Круг разомкнулся мгновенно. Младшие дети со смешанным чувством ужаса и восторга прижались к коленям матери. Дедушка наклонился вперед, опершись подбородком на руку; бабушка сдви-

нула очки на лоб; мейнхеер ван Глек, сидевший у камина, неторопливо вынул пенковую трубку изо рта, а Хильда и другие дети в ожидании сгрудились вокруг него.

Стук послышался снова.

– Войдите, – негромко сказала мать.

Дверь медленно открылась, и святой Николаас в полном парадном облачении предстал перед своими почитателями. Стало так тихо, что и булавка не могла бы упасть неслышно! Но вскоре святой нарушил молчание. Какое таинственное величие звучало в его голосе! Как ласково он говорил!

– Карел ван Глек, я рад приветствовать тебя и твою почтенную вроу Катрину, а также твоего сына и его добрую вроу Анни!.. Дети, я приветствую всех вас – Хендрика, Хильду, Бромма, Кати, Хейгенса и Лукрецию и ваших двоюродных братьев и сестер – Вольферта, Дидриха, Мейкен, Вооста и Катринку! С тех пор как я в последний раз беседовал с вами, все вы, в общем, вели себя хорошо. Правда, в прошлую осень, на хаарлемской ярмарке, Дидрих грубил, но с тех пор он старался исправиться. Мейкен в последнее время плохо училась; слишком много конфет и всяких сладостей попадало ей в рот и слишком мало стеиверов в ее копилку для раздачи милостыни. Надеюсь, что Дидрих будет впредь вежливым, хорошим мальчиком, а Мейкен постарается достичь блестящих успехов в науках. Пусть она запомнит также, что экономия и бережливость – основа достойной и добродетельной жизни. Маленькая Кати не раз мучила кошку. Ведь святой Нико-лаас слышит, как кричит кошка, когда ее дергают за хвост. Я прощу Кати, если она отныне твердо запомнит, что и самые маленькие бессловесные твари тоже умеют чувствовать и обижать их не надо.

Перепуганная Кати разревелась, а святой вежливо молчал, пока ее не успокоили.

– Тебя, Броом, – продолжал он, – я предупреждаю, что мальчики, которые повадились сыпать нюхательный табак в ножную грелку школьной учительницы, в один прекрасный день могут попасться и получить трепку...

Броом побагровел и выпучил глаза от величайшего изумления.

– Но ты прекрасно учишься, и я больше ни в чем не стану упрекать тебя... Ты, Хендрик, прошлой весной отличился на состязаниях в стрельбе из лука и попал в самый центр мишени, хотя перед ней раскачивали птичку, чтобы мешать тебе прицеливаться. Я воздаю тебе должное за твои успехи в спорте и гимнастических упражнениях... однако я не советую тебе участвовать в лодочных гонках, так как у тебя остается слишком мало времени для школьных занятий... В эту ночь Лукреция и Хильда будут спать спокойно. Они добры к людям, преданы своим близким, охотно и весело слушаются взрослых дома, и все это принесет им счастье... Объявляю, что я очень доволен всеми и каждым. Доброта, прилежание, благожелательность и бережливость процветали в вашем доме. Поэтому благословляю вас, и пусть новый год застанет вас всех вступившими на путь послушания, мудрости и любви! Завтра вы найдете более существенные доказательства моего пребывания среди вас. Прощайте!

Не успел он сказать эти слова, как целый ливень леденцов посыпался на полотняную простыню, разостланную перед дверью. Началась всеобщая свалка. Дети чуть не падали друг на друга, спеша наполнить леденцами свои корзинки. Мать осторожно придерживала малыша в этой толкотне, пока он не стиснул несколько леденцов в своих пухлых кулачках.

Тогда самый смелый из мальчиков вскочил и распахнул закрытую дверь... Но тщетно заглядывали дети в таинственную комнату: святой Николаас исчез бесследно.

Вскоре все устремились в другую комнату, где стоял стол, накрытый тончайшей белоснежной скатертью. Трепеща от возбуждения, дети поставили на него по башмаку. Дверь заперли крепко-накрепко, а ключ спрятали в спальне матери. Потом все перецеловались, желая друг другу спокойной ночи, поднялись торжественной семейной процессией на верхний этаж, весело распрощались у дверей своих спален – и наконец молчание воцарилось в доме ван Глеков.

* * *

На другой день рано утром все домашние собрались у запертой двери. Дверь торжественно отперли, распахнули – и что же? Всем взорам представилось зрелище, доказавшее, что святой Николаас свято держит свое слово.

Каждый башмак был полон до краев, и рядом с ним лежали пестрые груды всяких вещей... Стол ломился под грузом подарков: сластей, игрушек, безделушек, книг и всякой всячины. Каждый получил подарки, начиная с бабушки и кончая малышом.

Маленькая Кати восторженно хлопала в ладоши, давая себе обещание, что у кошки теперь не будет никаких горестей. Хендрик скакал по комнате, размахивая над головой великолепным луком и стрелами. Хильда смеялась от радости, открывая малиновый футляр и вынимая из него сверкающее ожерелье. Все остальные захлебывались от счастья, любясь своими сокровищами и восклицая то «ох!», то «ах!» – точь-в-точь, как мы, американцы, в прошлогоднее Рождество.

Держа в руках сверкающее ожерелье и стопку книг, Хильда протиснулась к родителям и протянула им свое сияющее личико для поцелуя. Взгляд ее ясных глаз был исполнен такой искренней нежности, что мать, наклонясь к ней, шепотом благословила ее.

– Я в восторге от этой книги, благодарю вас, папа! – промолвила Хильда, дотрагиваясь подбородком до верхней книги в стопке. – Я буду читать ее весь день напролет.

– Да, милочка, – сказал мейнхеер ван Глек, – правильно сделаешь: Якобу Катсу равных нет. Если дочь моя выучит на память его «Моральные эмблемы», нам с матерью будет нечему учить тебя. Книга, которую ты держишь, – это и есть «Эмблемы», лучшее его произведение. Она украшена редкими гравюрами работы ван дер Венне.

Надо сказать, что корешка этой книги не было видно, и никто из присутствующих еще не успел открыть ее, так что трудно объяснить, как мог мейнхеер ван Глек догадаться, какую книгу подарил его дочери святой Николаас. Странно также, что святой каким-то образом добыл вещи, сработанные старшими детьми, и положил их на стол, прикрепив к ним ярлычки с именами родителей, бабушки и бабушки. Но все были слишком поглощены своим счастьем, чтобы заметить эти маленькие несообразности. От Хильды не укрылось выражение восторга, которое всегда появлялось на лице ее отца, когда он говорил о Якобе Катсе; поэтому она положила свою стопку книг на стол и покорно приготовилась слушать.

Мейнхеер ван Глек говорил очень-очень долго. Длинная его речь на всем ее протяжении сопровождалась приглушенным хором лающих собак, мяукающих кошек и блеющих ягнят, не говоря уж о погремушке – сверчке из слоновой кости, которую малыш вертел с невыразимым упоением. В довершение всего маленький Хейгене, придравшись к тому, что отец его повысил голос, осмелился затрубить в свою новую трубу, а Вольферт принялся аккомпанировать ему на барабане.

* * *

Добрый святой Николаас! Что до меня, я ради юных голландцев, пожалуй, признаю его и буду защищать от всех неверующих, доказывая, что он существует.

Карл Схуммель в тот день был очень занят: он по секрету доказывал маленьким детям, что это вовсе не сам святой Николаас к ним приходил, просто их же родные отцы и матери привели в дом человека, переодетого святым, и сами завалили столы подарками. Но мы-то с вами лучше знаем, как все было на самом деле.

Однако если это действительно приходил святой, почему же он в тот вечер не наведлся в дом Бринкеров? Почему один этот дом, такой темный и печальный, был обойден?

Глава X

Что видели и делали мальчики в Амстердаме

– Все здесь? – ликующе крикнул Питер, когда на следующий день вся компания рано утром собралась на канале, снаряженная для путешествия на коньках. – Посмотрим! Якоб назначил меня капитаном – значит, я обязан сделать перекличку. Карл Схуммель! Ты здесь?

– Йа!

– Якоб Поот!

– Йа!

– Бенджамин Добс!

– Йа-а!

– Ламберт ван Моунен!

– Йа!

– Вот это здорово! Мне не обойтись без тебя: ты один говоришь по-английски... Людвиг ван Хольп!

– Йа!

– Воостенвальберт Схиммельпенник!

Ответа нет.

– Ага! Постреленка не пустили. Ну, ребята, сейчас ровно восемь часов... Погода великолепная, а лед на Ае твердый, как скала, – через полчаса мы будем в Амстердаме. Раз, два, три, пошли!

Действительно, не прошло и получаса, как они перебрались через прочную каменную плотину и очутились в самом сердце огромного города. Окруженный стеной, он стоял на девяти пяти островках, соединенных почти двумя сотнями мостов. Хотя Бен со времени своего приезда в Голландию уже был здесь два раза, он и сейчас видел многое такое, что его изумляло. Но его товарищи-голландцы, жившие тут поблизости всю жизнь, считали, что Амстердам – самый обыкновенный город и в нем нет ничего особенного. Бена же здесь интересовало все: высокие дома с раздвоенными трубами и островерхими фасадами; склады товаров, расположенные высоко под крышами купеческих домов, с длинными, вытянутыми, словно руки, стрелами подъемных кранов, которые поднимают и опускают товары перед самыми окнами квартир; величественные общественные здания, построенные на деревянных сваях, которые были глубоко забиты в болотистую почву; узкие улицы; каналы, пересекающие город во всех направлениях; мосты; шлюзы; разнообразные костюмы горожан и – самое удивительное – прилепившиеся к церквям лавки и жилые дома с необычайно длинными трубами, высоко поднимающимися вдоль священных стен этих зданий.

Если Бен смотрел вверх, он видел высокие дома, которые, казалось, наклонялись вперед и пронзали небо своими блестящими крышами. Если он смотрел вниз, перед глазами у него была диковинная улица без мощеных переходов на перекрестках и без поднятых над ее уровнем тротуаров: булыжная мостовая непосредственно переходила в кирпичные дорожки для пешеходов. Если глаза его останавливались на пол пути, он видел маленькие, сложной конструкции зеркальца (голландцы называют их «шпионами»), прикрепленные снаружи почти к каждому окну и устроенные так, что люди в доме могут следить за всем происходящим на улице и рассмотреть всякого, кто постучит в дверь, сами оставаясь невидимыми.

Время от времени мимо него проезжала двуколка²⁵, нагруженная деревянными изделиями; проходил осел под выюком из двух больших корзин, наполненных фаянсовой или стек-

---

²⁵ Д в у к о л к а – двухколесная повозка.

лянной посудой; по голым булыжникам проезжали сани (полозья которых непрерывно смазывались маслом, капающим с масляной тряпки, а потому легко скользили по мостовой), а за ними следовала пышная неуклюжая семейная карета, запряженная темно-гнедыми фламандскими лошадьми с белоснежными хвостами.

Город облекся в праздничный наряд. Все магазины были разукрашены в честь святого Николааса. Не раз приходилось капитану Питеру отрывать свою команду от соблазнительных витрин, где были выставлены все игрушки, какие только можно вообразить. Нидерландцы славились этой отраслью промышленности. Всевозможные вещи копируются здесь в миниатюре на радость малышам. Замысловатые механические игрушки, которые голландский ребенок равнодушно швыряет куда попало, вызвали бы целый переполох в нашем американском Бюро патентов на изобретения. Бен не мог удержаться от смеха при виде игрушечных рыбацких лодок. Тяжелые и приземистые, они так походили на те диковинные суда, которые он видел близ Роттердама. А крошечные трексхейты, всего в один-два фута длиной, но полностью оборудованные, прямо-таки не давали ему покоя: очень уж хотелось сейчас же купить такое суденышко в подарок братишке, оставшемуся в Англии! Но лишних денег у него не было, так как путешественники из свойственной голландцам осторожности решили взять с собой ровно столько денег, сколько требовалось на расходы каждому из мальчиков, и вручили общий кошелек Питеру. Поэтому Бен решил перенести всю свою энергию на осмотр достопримечательностей и как можно реже думать о своем маленьком братце Робби.

Он ненадолго зашел в Морское училище и позавидовал учащимся в нем юношам: в их распоряжении имелся полностью оснащенный бриг, а их койки-гамаки покачивались над сундуками и ларями. Потом заглянул в еврейский квартал, где живут богатые гранильщики алмазов и убогие продавцы платья, и так же наскоро осмотрел все четыре главные улицы Амстердама: Принсен-грахт, Кейзерс-грахт, Хейрен-грахт и Сингель. Эти улицы изгибаются полукругом, и первые три достигают более двух миль длины. Посредине каждой из них течет канал, а по обеим его сторонам тянется превосходная мостовая, окаймленная величественными зданиями. Ряды обнаженных вязов по берегам канала отбрасывали на лед сетку теней, и всюду здесь было так ослепительно чисто, что Бен сказал Ламберту:

– Этот город – какая-то окаменелая чистота!

К счастью, погода была такая холодная, что помешала ежедневной обильной поливке улиц и мытью окон. А не то наши юные экскурсанты не раз промокли бы до костей. Голландские хозяйки одержимы страстью к мытью, подметанию, протиранию, и занести грязь в их безукоризненно чистые дома – значит совершить чуть ли не преступление. Повсюду глубокое презрение ждет тех, кто, переступая порог, поленился натереть до блеска подметки своей обуви, а в иных местах посетители, входя в дом, обязаны снимать свои тяжелые башмаки.

Сэр Уильям Темпл в своих воспоминаниях «Что произошло в христианском мире с 1672 года по 1679-й» рассказывает о некоем важном судье, который зашел навестить одну амстердамскую жительницу. Дюжая молодая голландка открыла ему дверь и единым духом выпалила, что хозяйка – дома, но что башмаки гостя не очень чисты. Не добавив ни слова больше, она обхватила изумленного гостя обеими руками, взвалила его себе на спину, пронесла через две комнаты, посадила на нижнюю ступеньку лестницы и, схватив туфли, стоявшие поблизости, надела их ему на ноги. И только после этого она сказала, что хозяйка сидит наверху и гость может подняться к ней.

Катясь вместе с друзьями по людным каналам города, Бен смотрел на сонных горожан, которые лениво покуривали свои трубки с таким видом, словно – сбей у них с головы шляпу – они глазом не моргнут; и ему трудно было поверить, что голландцы когда-то поднимали восстания, не раз происходившие в стране; трудно поверить, что теперешние амстердамцы – потомки тех храбрых, самоотверженных героев, о которых он читал в истории Голландии.

Легко скользя по льду с товарищами, Бен рассказал ван Моунену о «погребальном» бунте, вспыхнувшем здесь, в Амстердаме, в 1696 году, когда женщины и дети вместе с мужчинами вышли на улицы. Шуточные похоронные процессии ходили по всему городу: люди решили показать бургомистру, что они не подчинятся новым правилам погребения умерших. Под конец они совершенно вышли из повиновения и грозили чуть ли не разнести весь город, так что бургомистр поспешил отменить постановление, оскорбившее народ.

– Вот на этом углу, – сказал Якоб, указывая на какие-то крупные строения, – пятнадцать лет назад огромные склады зерна провалились в трясину. Это были прочные здания, построенные на хороших сваях. Но в них ссыпали слишком много зерна – больше семидесяти тысяч центнеров, – и они рухнули.

Якобу трудно было рассказать такую длинную историю, и он остановился передохнуть.

– А ты-то почему знаешь, что туда ссыпали семьдесят тысяч центнеров зерна? – резко спросил Карл. – В то время ты еще из пеленок не вышел.

– Мне отец говорил, а он хорошо знает, как все было, – ответил Якоб. Отдышавшись, он продолжал: – Бен любит живопись. Давайте покажем ему какие-нибудь картины.

– Хорошо, – согласился капитан.

– Будь у нас время, Бенджамин, – сказал Ламберт ван Моунен по-английски, – я повел бы тебя в Стадхёйс, дом городского управления. Вот там сваи так сваи! Здание построено на четырнадцати тысячах свай, и они забиты в землю на глубину семидесяти футов. Но что я хочу тебе показать – так это большую картину, на которой изображено, как ван Спейк взрывает свой корабль... Замечательная картина!

– Ван – кто? – переспросил Бен.

– Ван Спейк. Неужели не помнишь? Битва с бельгийцами была в самом разгаре, и, когда он понял, что они его одолеют и захватят в плен корабль, он взорвал и его и себя вместе с ним, чтобы не сдаться врагу.

– А разве не ван Тромп взорвал корабль?

– Вовсе нет. Но ван Тромп тоже был храбрецом. Ему поставили памятник в Дельфт-хавне – там, где пилигримы²⁶ сели на корабль, чтобы отправиться в Америку.

– Так. А что совершил ван Тромп? Ведь он был знаменитым голландским адмиралом, да?

– Да, он участвовал в тридцати с лишним морских сражениях. Он победил испанский флот и английский, а потом привязал швабру к верхушке мачты, объявляя этим, что он вымел англичан – очистил от них море. Голландцы умеют побеждать, братец ты мой!

– Замолчи! – вскричал Бен. – Привязал он швабру или нет, а все-таки англичане победили его в конце концов! Теперь я все вспомнил. Его убили где-то на нидерландском побережье в битве, которую выиграл британский флот. Обидно, а? – лукаво добавил он.

– Хм! Куда это мы попали?! – воскликнул Ламберт, чтобы переменить разговор. – Слушай, все нас опередили... все, кроме Якоба. Ой, до чего он толстый! Мы и полпути не пройдем, как он раскиснет.

Бену, конечно, было приятно бежать на коньках рядом с Ламбертом, который хоть и был чистокровным голландцем, но воспитывался неподалеку от Лондона и по-английски говорил так же свободно, как по-голландски. И Бен не огорчился, когда капитан ван Холп крикнул:

– Коньки долой! Вот и музей.

Музей был открыт, и в тот день вход в него был бесплатный. Путешественники вошли, шаркая ногами, по обыкновению всех мальчишек, которые, кажется, никогда не упускают этой возможности – так им нравится слышать шорох своих подошв, скользящих по натертому полу.

---

²⁶ П и л и г р и м ы – в данном случае первые голландские переселенцы в Америку.

Музей в Амстердаме – это просто картинная галерея, в которой можно увидеть лучшие произведения голландских мастеров и, кроме того, около двухсот папок с редкими гравюрами.

Бен тотчас же заметил, что некоторые картины здесь висят на щитах, прикрепленных к стене шарнирами. Их можно поворачивать, как оконные ставни, и рассматривать при наиболее благоприятном освещении. Это приспособление очень помогло мальчикам, когда они любовались «Вечерней школой», маленькой жанровой картиной Герарда Доу, так как оно позволило им оценить ее блестящую технику: казалось, что картина освещена тем светом, что проникает в изображенные на ней окна. Питер отметил также красоты другой картины Доу, «Отшельник», и рассказал мальчикам несколько интересных анекдотов об этом художнике, родившемся в Лейдене в 1613 году.

– Целых три дня писать ручку швабры! – удивленно воскликнул Карл, отзываясь на слова капитана, который рассказывал о том, как необычайно медленно писал Доу.

– Да, брат, три дня. И, говорят, он потратил целых пять дней, отделявая руку на одном женском портрете. Видишь, как удивительно яркие и до мелочей выписаны все детали этой картины. Каждый день после работы он тщательно закрывал свои неоконченные произведения, а краски и кисти прятал в непроницаемые для воздуха ящики. Судя по всем рассказам, сама его мастерская была закупорена, как шляпная картонка. Художник всегда входил в нее на цыпочках и, кроме того, прежде чем начать работу, сидел неподвижно, пока не оседала легкая пыль, поднимавшаяся, когда он вошел. Я где-то читал, что его картины кажутся еще лучше, если рассматривать их в увеличительное стекло. Он так напрягал глаза, обрабатывая мелкие детали, что уже в тридцать лет был вынужден носить очки. В сорок он видел совсем плохо и едва мог писать. Ему нигде не удавалось найти такие очки, которые помогли бы ему видеть яснее. Наконец одна бедная старая немка предложила ему попробовать ее очки. Они пришлись ему как раз по глазам и помогли писать так же хорошо, как раньше.

– Хм! – негодуя воскликнул Людвиг. – Вот это мне нравится! А как же эта старушка обходилась без очков, спрашивается?

– Ну, – рассмеялся Питер, – возможно, у нее были другие! Во всяком случае, она уговорила художника взять ее очки. Он был так благодарен, что изобразил на картине эти очки вместе с футляром и подарил ей. А старушка отдала эту картину бургомистру, за что получила пожизненную пенсию и до конца своих дней прожила безбедно.

– Ребята, – громким шепотом позвал Ламберт, – пойдемте посмотрим «Медвежью облаву»!

Это была прекрасная картина работы Пауля Поттера, голландского художника XVII века, писавшего замечательные произведения еще до того, как ему исполнилось шестнадцать лет. Мальчиков она привела в восхищение, так как им понравился ее сюжет. Они равнодушно прошли мимо выдающихся произведений Рембрандта и ван дер Хельста, но восторгались одной плохой картиной ван дер Венне, изображающей морской бой между голландцами и англичанами. Потом они, совершенно очарованные, стояли перед портретом двух маленьких мальчуганов, один из которых хлебал суп, а другой ел яйцо. По мнению наших путешественников, главное достоинство этой картины заключалось в том, что мальчишка, который ел яйцо, вымазал себе рожицу желтком, к величайшему удовольствию зрителей.

Следующей картиной, удостоившейся их внимания, было прекрасное изображение праздника святого Николааса.

– Смотри, ван Моунен, – сказал Бен Ламберту, – до чего хорошо написано лицо этого малыша! Он как будто знает, что заслужил трепку, но надеется, что святой Николаас еще не вывел его на чистую воду. Вот такие картины мне нравятся: они как будто рассказывают целую историю.

– Идемте, ребята! – крикнул капитан. – Уже десять часов – пора в путь!

Они поспешили на канал.

– Коньки на ноги!.. Готовы? Раз, два... Эй! Где же Поот?

И правда, где же был Поот?

В десяти ярдах²⁷ от них во льду только что была прорублена квадратная прорубь. Питер заметил ее и, не говоря ни слова, быстро покати́л к ней.

Остальные, конечно, последовали за ним.

Питер заглянул в прорубь, и все заглянули в нее, потом в тревоге уставились друг на друга.

– Поот! – крикнул Питер, снова заглядывая в прорубь.

Полная тишина. Черная вода застыла недвижно; ее поверхность уже затягивалась ледяной пленкой.

Ван Моувен вернулся к Бену с таинственным видом:

– Кажется, у него когда-то был припадок?

– О господи! Был, – ответил перепуганный Бен.

– Ну, значит, с ним, очевидно, снова случился припадок в музее.

Мальчики сразу догадались, что́ нужно сделать, и вмиг сняли коньки. У Питера хватило присутствия духа зачерпнуть своей шапкой воды из проруби, и все помчались в музей.

Они действительно нашли бедного Якоба в припадке... но это был припадок сонливости. Мальчик лежал в укромном уголке галереи и храпел, как утомленный солдат. Громкий хохот, вызванный этим открытием, привлек сердитого сторожа.

– Что тут происходит? – крикнул он. – Прекратите бесчинство! Эй ты, пивной бочонок, проснись! – И он весьма бесцеремонно растолкал Якоба.

Как только Питер понял, что здоровью Якоба не угрожает опасность, он поспешил на улицу – вылить воду из своей бедной шапки. Пока он расстилал в ней носовой платок, чтобы уже обледеневшая подкладка не прикасалась к его голове, остальные мальчики спустились по лестнице, таща за собой ошалевшего спросонья и возмущенного Якоба.

Снова был отдан приказ отправляться в путь. Якоб наконец совсем проснулся.

Лед здесь был немного шероховатый и с трещинами, но мальчики не унывали.

– По каналу побежим или по реке? – спросил Питер.

– Разумеется, по реке, – отозвался Карл. – Вот хорошо-то будет! Говорят, лед на ней отличный всю дорогу. Только по реке гораздо дальше.

Якоб Поот тотчас же заинтересовался этими словами.

– А я стою за канал! – крикнул он.

– Ну что ж, побежим по каналу, – решил капитан, – если только все согласны.

– Согласны! – крикнули мальчики довольно разочарованными голосами.

И капитан Питер помчался вперед, бросив:

– Отлично!.. За мной! Через час будем в Хаарлеме!

---

²⁷ Я р д – английская мера длины, равная 91,44 см.

Глава XI

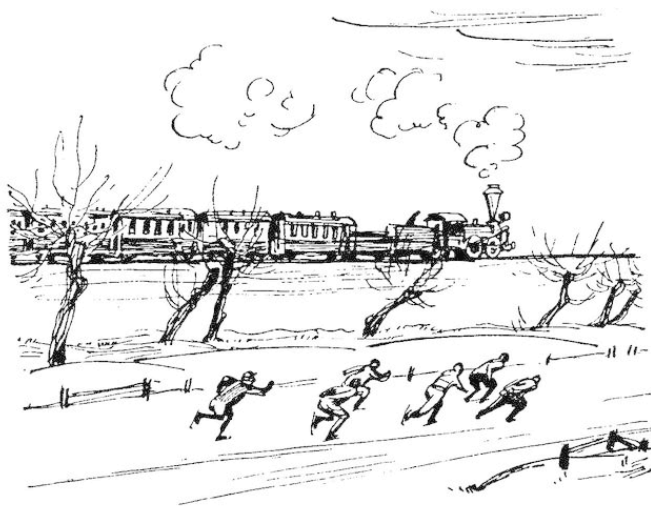
Большие мании и маленькие странности

Они катились во весь опор, как вдруг услышали грохот нагонявшего их амстердамского поезда.

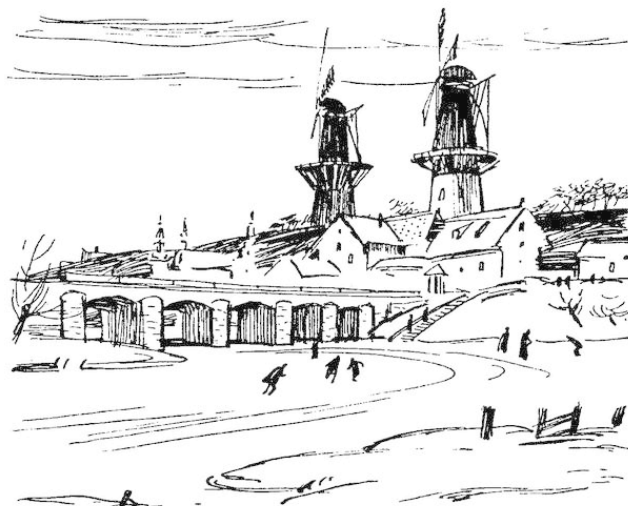
– Эй! – крикнул Людвиг, бросив взгляд на железнодорожное полотно. – Кто обгонит паровоз? Ну-ка, давайте наперегонки!

Паровоз свистнул, должно быть возмущенный такой наглостью. Мальчики тоже свистнули... и пустились во всю прыть.

Секунду ребята мчались впереди, во весь голос крича «ура», – только секунду, но и это уже было кое-что.

Успокоившись, они продолжали путь, не торопясь и позволяя себе разговаривать и шалить. Иногда они останавливались поболтать со сторожами, стоявшими на определенном расстоянии друг от друга по всему каналу. Зимой эти сторожа очищают лед от мусора и вообще от всего, что мешает движению. После метели они сметают со льда снежный пушистый покров, прежде чем он станет твердым и красивым, как мрамор, но очень неудобным для конькобежцев.

Порой мальчики настолько забывались, что шныряли между вмерзшими в лед судами, стоявшими где-нибудь в затоне. Но бдительные сторожа быстро выслеживали ребят и, ворча, приказывали им убираться прочь.

Канал, по которому мчался наш отряд, тянулся прямой, как стрела, и таким же прямым был длинный ряд голых, тощих ив, растущих на берегу. На той стороне, высоко над окрестными полями, шла колесная дорога, проложенная на огромной плотине, которую построили, чтобы не дать разливаться Хаарлемскому озеру. Гладкий, как стекло, канал терялся вдали, и линии его берегов сходились в одной точке. По льду катилось множество конькобежцев, буюров (лодок на полозьях) с коричневыми парусами, кресел на полозьях и затейливых, легких, как пробки, маленьких санок, управляемых палкой с зубцом на конце. Бен был в восторге от всего, что видел.

Людвиг ван Хольп думал о том, как странно, что Бен, хоть и англичанин, знает о Голландии так много. Судя по словам Ламберта, Бен знал о ней больше, чем сами ее уроженцы. Это не очень нравилось юному голландцу, но вдруг ему вспомнилось нечто, способное, по его мнению, ошеломить «Шона Пуля». Он подкатил к Ламберту и с торжествующим видом крикнул:

– Расскажи-ка ему о тюльпанах!

Бен уловил слово «тюльпен».

– Да-да, – горячо подхватил он по-английски, – тюльпаномания... Ты про нее говоришь? Я не раз о ней слышал, но знаю обо всем этом очень мало. Больше всего увлекались тюльпанами в Амстердаме, ведь да?

Людвиг досадливо крикнул. Слова Бена он понимал с трудом, но по его лицу безошибочно догадался, что тот знает и о тюльпанах. К счастью, Ламберт и не подозревал об огорчении своего юного соотечественника. Он ответил:

– Да, больше всего здесь и в Хаарлеме. Но этой страстью заразилась вся Голландия, да и Англия тоже, коли на то пошло.

– Вряд ли Англия²⁸, – сказал Бен, – но не знаю наверное, так как в те времена меня там не было.

---

²⁸ Хотя увлечение тюльпанами не получило в Англии такого распространения, как в Голландии, этот цветок вскоре сделался предметом спекуляций и достиг очень высокой цены. В 1636 году тюльпаны публично продавались на Лондонской бирже. Еще в 1800 году за луковицу обычно платили по пятнадцать гиней. Бен не знал, что в его время один тюльпан с луковицей, названный «Фанни Кембл», был продан в Лондоне за семьдесят гиней с лишком. Маккей в своих «Записках о народных заблуждениях» рассказывает смешную историю об одном ботанике-англичанине, который случайно увидел тюльпановую луковицу в теплице некоего богатого голландца. Не имея представления о ее ценности, ботаник вынул перочинный нож и, разрезав луковицу пополам, с большим интересом принялся исследовать ее. Но вдруг появился владелец луковицы и в бешен-

– Ха-ха-ха! Это верно, если только тебе не стукнуло двести лет. Так вот, брат, ни до, ни после не было такого безумия. Люди тогда сходили с ума по тюльпановым луковицам и ценили их на вес золота...

– Как?! За луковицы давали столько золота, сколько весит человек? – перебил его Бен, так широко раскрыв глаза от удивления, что Людвиг чуть не подпрыгнул.

– Да нет! Давали столько золота, сколько весила луковица. Первый тюльпан привезли сюда из Константинополя около 1560 года. Он вызвал такое восхищение, что амстердамские богачи послали в Турцию за другими тюльпанами. С тех пор ими начали безумно увлекаться, и это продолжалось много лет. Тюльпаны стоили от тысячи до четырех тысяч флоринов за штуку, а одна луковица, «Семпер Аугустус», была продана за пять с половиной тысяч.

– Это больше четырехсот гиней на наши деньги, – вставил Бен.

– Да, и я знаю это наверное – вычитал позавчера в книге Бекмана, переведенной на голландский язык. Да, брат, вот это здорово! Все и каждый спекулировали на тюльпанах – даже матросы с баржей, тряпичники и трубочисты. Богатейшие купцы не стыдились предаваться этой страсти. Люди покупали и перепродавали луковицы, даже не видя их, однако наживали чудовищные прибыли. Это превратилось в своего рода азартную игру. Одни богатели в два-три дня, другие теряли все, что имели. Земли, дома, скот и даже одежду отдавали за тюльпаны, когда у людей не было наличных денег. Дамы продавали свои драгоценности и украшения, чтобы участвовать в этой игре. Все только о ней и думали. Наконец вмешались Генеральные штаты. Люди начали понимать, какие глупости они делают, и цены на тюльпаны пошли вниз. Уже нельзя было получить долги, оставшиеся от сделок с тюльпанами. Кредиторы обращались в суд, а суд отказывал им, объясняя, что долги, сделанные во время азартной игры, можно не платить. Ну и время тогда настало! Тысячи богатых спекулянтов за один час превратились в нищих. Как выразился старик Бекман: «Наконец-то луковица лопнула, как мыльный пузырь».

– Да, и немалый это был пузырь, – сказал Бен, слушавший с величайшим интересом. – Кстати, ты знаешь, что слово «тюльпан» происходит от турецкого слова «тюрбан»?

– Что-то не помню, – ответил Ламберт. – Но это очень любопытно. Представь себе лужайку, а на ней толпу турок, сидящих на корточках в своих пышных головных уборах – тюрбанах... Настоящая тюльпановая клумба! Ха-ха-ха! Очень любопытно!

«Ну вот, – мысленно проворчал Людвиг, – он рассказал Ламберту что-то интересное о тюльпанах. Так я и знал!»

– Надо сказать, – продолжал Ламберт, – что тюльпановая клумба очень напоминает толпу людей, особенно когда цветы кивают и покачивают головками на ветру. Ты когда-нибудь замечал это?

– Нет, не замечал. Но меня удивляет, ван Моунен, что вы, голландцы, и до сих пор страстно любите эти цветы.

– Еще бы! Без них не обходится ни один сад. По-моему, это самые красивые цветы на свете! У моего дяди в саду при его летнем домике на той стороне Амстердама есть великолепная клумба с тюльпанами самых лучших сортов.

– Я думал, твой дядя живет в городе.

стве набросился на ботаника, спрашивая, знает ли он, что он делает. «Снимаю кожуру с прелюбопытной луковицы», – ответил ученый. «Хондерт дейзент дейвель! (Сто тысяч чертей!)» – заорал голландец. – Ведь это „Адмирал ван дер Эйк!“» «Благодарю вас, – промолвил путешественник, тотчас же записав это название в свою записную книжку. – Скажите, пожалуйста, такие тюльпаны очень распространены в вашей стране?» «Смерть и дьявол! – завопил голландец. – Пойдемте к старшине нашего сословия – там узнаете!» Как ни противился бедный исследователь, его потащили к судье, и по улице за ним шла возмущенная толпа. Вскоре он, к своему ужасу, узнал, что уничтожил луковицу, стоившую четыре тысячи флоринов (1600 долларов, или около 400 фунтов стерлингов). Его посадили в тюрьму, и он просидел там до тех пор, пока не пришли его ценные бумаги, которыми он смог уплатить эту сумму. (Примеч. авт.)

– Ну да, но его летний домик, иначе говоря – павильон, стоит в нескольких милях от города. А другой домик он выстроил на берегу реки. Мы прошли мимо него, когда входили в город. В Амстердаме у каждого есть где-нибудь такой павильон, если позволяют средства.

– И в них живут, в этих павильонах? – спросил Бен.

– Что ты! Конечно нет! Это маленькие строения, и годятся они только на то, чтобы летом проводить в них несколько часов после обеда. На южном берегу Хаарлемского озера есть очень красивые летние домики. Теперь, когда озеро начали осушать, чтобы превратить его дно в пахотную землю, вся их прелесть пропадет. Кстати, мы сегодня прошли мимо нескольких таких домиков с красными крышами. Ты, вероятно, заметил их. Помнишь мостики, пруды, садики и надписи над входными дверьми?

Бен кивнул.

– Сейчас у них не особенно красивый вид, – продолжал Ламберт, – но летом они просто очаровательны. Как только на ивах появляются молодые побеги, дядя каждый день после обеда отправляется в свой летний домик. Там он дремлет и курит; тетя вяжет, поставив ноги на грелку, какая бы ни была жара; моя двоюродная сестра Рика и другие девочки из окна удят в озере рыбу или болтают со своими друзьями, когда те проезжают мимо на лодках, а малыши возятся поблизости или торчат на мостиках, переброшенных через канаву. Потом все пьют кофе с пирожными, а на столе стоит огромный букет водяных лилий. Там чудесно! Но, между нами, хоть и я родился здесь, я никогда не привыкну к запаху стоячей воды, а ею пахнет чуть не во всех загородных усадьбах. Почти все домики, которые ты видел, построены близ канав. Я, должно быть, потому так остро ощущаю этот запах, что долго жил в Англии.

– Может, и я почувствую его, – сказал Бен, – если наступит оттепель. К счастью для меня, ранняя зима покрыла льдом эти ароматные воды... и я ей очень благодарен. Без этого чудесного катанья на коньках Голландия понравилась бы мне гораздо меньше, чем она нравится сейчас.

– Как сильно ты отличаешься от Поотов! – воскликнул Ламберт, задумчиво вслушиваясь в слова Бена. – А ведь вы двоюродные братья... Мне это непонятно.

– Мы действительно двоюродные или, скорее, всегда считали себя двоюродными, но на самом деле родство между нами не очень близкое. Наши бабушки были сводными сестрами. В нашей семье все – англичане; в его – голландцы. Наш прадедушка Поот, видишь ли, был женат два раза, и я – потомок его жены-англичанки. Однако я люблю Якоба больше, чем добрую половину своих родственников-англичан, вместе взятых. Он самый искренний, самый добродушный мальчик из всех, кого я знаю. Как ни странно это тебе покажется, но мой отец случайно познакомился с отцом Якоба во время деловой поездки в Роттердам. Они вскоре разговорились о своем родстве – по-французски, кстати сказать, – и с тех пор переписываются на этом языке. Странные вещи случаются в жизни! Некоторые привычки тети Поот очень удивили бы мою сестру Дженни. Тетя – настоящая дама, но она так не похожа на мою мать!.. Да и дом у них, и обстановка, и образ жизни – все совсем не такое, как у нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.